

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

СТИВЕН
БАКСТЕР

ВОЙНА МИРОВ · 2
ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ, ОФИЦИАЛЬНО
ОДОБРЕННОЕ НАСЛЕДНИКАМИ
ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

Классика мировой фантастики (АСТ)

Стивен Бакстер

**Война миров 2.
Гибель человечества**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Бакстер С. М.

Война миров 2. Гибель человечества / С. М. Бакстер —
«Издательство АСТ», 2017 — (Классика мировой фантастики
(АСТ))

ISBN 978-5-17-110593-8

С марсианского вторжения прошло четырнадцать лет. Человечество наблюдает за небом, но вполне уверено в своих силах, полагаясь на военный прогресс и заимствованные марсианские технологии. Враг уязвим для земных вирусов. Армии готовы и ждут повторного вторжения. Лишь единицы полагают, что наученные поражением марсиане теперь сумеют адаптироваться к земным реалиям. И они оказались правы. Марсиане высадились – и избиение человечества началось.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-110593-8

© Бакстер С. М., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Книга I. Возвращение марсиан	6
1. Призыв к оружию	6
2. Встреча ветеранов	7
3. Артиллерист в Нью-Йорке	11
4. Ненадежный рассказчик	14
5. Я возвращаюсь в Англию	18
6. СURREЙСКИЙ коридор	22
7. В Лондоне	26
8. Встреча в Оттершоу	30
9. Звонок из Германии	32
10. В Стэнмуре и Лондоне	39
11. В Лондоне	42
12. Мобилизация	44
13. На подходе к Аксбриджу	47
14. Прибытие первой волны	51
15. Понедельник в Лондоне	54
16. За Кордон	59
17. Цилиндр № 12	64
18. Летательные машины над Лондоном	67
19. Первые часы за Кордоном	71
20. Захваченная местность	73
21. В Эбботсдейле	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Стивен Бакстер

Война миров 2. Гибель человечества

Stephen Baxter
The Massacre of Mankind

© Stephen Baxter, 2017
© Е. Пташкина, перевод, 2018
© И. Савченко, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Герберту Уэллсу, чьи идеи я здесь развил, и Обществу Уэллса.

Если астрономия чему и учит, то тому, что человек – всего лишь деталь в эволюции Вселенной и на других небесных телах неизбежно найдутся другие детали, схожие с ним, но все-таки иные. И хотя человек вряд ли встретит своего двойника, ему суждено обрести невероятное множество кузенов, рассеянных по космосу.

Персиваль Лоуэлл. Марс, 1895

Мне казалось, человечество стояло на пороге того, чтобы в полной мере осознать свое место в космосе. Весь интеллектуальный мир жил догадками и надеждами. А потом снова явились марсиане.

Уолтер Дженкинс. Летопись Марсианских войн, 1913 и 1928

Книга I. Возвращение марсиан

1. Призыв к оружию

Для тех из нас, кто выжил, Первая марсианская война была катастрофой. Но для существ куда более разумных, чем мы, и более древних, чем марсиане, для тех, кто наблюдает за нашим миром с дальних рубежей холодного космоса, это противостояние наверняка было мелким, незначительным событием, недостойным внимания.

Чем дальше планета от Солнца, тем она древнее и холоднее. Таким образом, Земля старше, чем жаркая плодородная Венера, а суровый Марс, в свою очередь, старше нашего прохладного шарика. Более отдаленные миры – Сатурн, Уран и Нептун – еще древнее и навек скованы льдом. Но Юпитер – царь всех планет, более массивный, чем все они вместе взятые, настолько же превосходящий по возрасту Марс, насколько Марс превосходит нашу планету, и согретый собственным внутренним пламенем, – должен быть населен существами, чей разум поистине велик. Теперь мы знаем, что эти существа давно наблюдали за нами – за человечеством, за Марсом, даже за невинной Венерой. Какой им виделась наша война? Быстро гаснущие искры во тьме, отблески огня на зеленой коже нашей планеты, облачка угольно-черного дыма – беспомощное людское копошение... Юпитериане смотрели на это так, как молчаливый бог мог бы наблюдать за своими непутевыми созданиями: размышляя о непостижимом, с глубочайшим неодобрением.

И все же, как утверждает Уолтер Дженкинс, этот изучающий взгляд свыше задает тот контекст, в котором мы, некогда мнившие себя властителями всего сущего, обречены проживать свои жалкие жизни. И – как показали марсиане, наведавшись на нашу планету, – умирать своими жалкими смертями. Уолтер был прав. Этот контекст продиктовал ход всей Второй войны – и определил самый важный момент в моей жизни.

Впрочем, я, как и большинство людей, стараюсь не думать об этом и тем самым сохраняю здравый рассудок.

И, раз уж речь зашла об изучающем взгляде, я, принимаясь за собственные мемуары, не могу обойти вниманием тень, которую отбросил могильный камень, монолит, известный всем как Летопись – хроника Первой войны, записанная Уолтером, моим глубокоуважаемым деверем (если я еще могу его так называть после развода с его братом, Фрэнком); эта книга, как сказал бы Фрейд, психотерапевт Уолтера, словно тепловым лучом выжгла в коллективном подсознании образ Первой марсианской войны. Хочу сразу предупредить моих читателей: если вы ждете рассказа о величии космоса, поданного высокопарным слогом человека, которому заплатили за всю эту писанину, то вам стоит поискать другое сочинение. Но если вас интересует честный и беспристрастный отчет о событиях, которым я стала свидетельницей, тогда я, женщина, пережившая Первую марсианскую войну и потерявшая все, что имела во время Второй, представляю на ваш суд эти скромные заметки.

По иронии судьбы эта история началась для меня задолго до того, как марсиане во второй раз ступили на Землю, – с настойчивой серии звонков Уолтера из венской больницы. Мне, в то время по крупицам выстраивавшей новую жизнь в Новом Свете, только этого не хватало. Но чувство долга взяло верх, и я откликнулась на его призывы.

Юпитер! Сумасшедший дом! Воистину это с самого начала была запутанная история.

2. Встреча ветеранов

Первые отголоски надвигающейся бури я ощутила в Нью-Йорке, а именно – в Вулворт-билдинг, где мне назначил встречу отставной майор Эрик Иден, чтобы, как он сказал, передать сообщение от Уолтера Дженкинса.

Мой юный коллега Гарри Кейн настоял на том, чтобы составить мне компанию. Гарри был из той породы нахальных американских журналистов, которые с подозрением относятся ко всему европейскому, – думаю, он был таким еще до войны Шлиффена. Я полагаю, Гарри хотел оказать мне моральную поддержку, но к этому примешивался и профессиональный интерес: ему было любопытно побольше узнать о Марсианской войне, бывшей для него лишь смутной картинкой из прошлого.

Так что мы отправились в назначенное место. Был свежий ветреный день; на дворе стоял 1920 год, середина марта. На Манхэттен обрушился снегопад – как все надеялись, последний в этом году; но главной нашей проблемой оказалась слякоть, которая подкарауливала неосторожных пешеходов на обочине, чтобы они промочили ноги по самые щиколотки. Я помню это утро: бодрящая суeta на дорогах, электрические рекламные щиты, сияющие в неярком свете дня, – чистая, наивная энергия молодой нации, которую я впитывала напоследок, перед тем как снова окунуться в дела старой недоброй Англии.

Наконец мы с Гарри вошли в здание. В вестибюле поток горячего спертого воздуха ударил мне в лицо. В те дни американцы любили как следует натопить помещение. Я расстегнула пальто, развязала платок, и мы ступили на пол из отполированного греческого мрамора, покрытый подтаявшим снегом и песком, нанесенным с улицы. В вестибюле царило оживление. Гарри со своей обычной насмешливой отрешенностью – привлекательная черта для мужчины под тридцать, хотя по описанию и не скажешь, – сказал мне, перекрикивая шум:

– Сдается мне, что твой майор Иден недавно в городе.

– И ты это понял, даже не видя его?

– Естественно. Иначе зачем бы вам встречаться здесь? В Лондоне американец назначил бы встречу в соборе Святого Павла – это тот самый, с отверстием в куполе, я верно помню? А куда пойдет британец в Нью-Йорке? Вот, пожалуйста – самое высокое здание в мире! – Гарри протянул руку и добавил: – Кстати, а вот и он.

Человек, на которого он указывал, стоял поодаль. Он был худ, невысок и одет в костюм-визитку, казавшийся дорогим, но безнадежно устаревшим на фоне кричащих нарядов, в которые были облачены все вокруг. Если это был Иден, он выглядел моложе своих лет – майору было тридцать восемь, на шесть лет больше, чем мне.

– И ты думаешь, что это Иден, потому что...

– Он единственный, кто разглядывает мозаику.

Человек действительно глядел на потолок, который (кажется, раньше я этого не замечала) был покрыт мозаикой в романском стиле – а может, в византийском. В этом все американцы: в свежеевозведенном храме мамоны они чувствовали тягу к своему европейскому прошлому, от которого давно оторвались.

Гарри направился к мужчине, бормоча под нос:

– И выглядит он как типичный англичанин за границей. При таких навыках маскировки неудивительно, что марсиане его поймали.

Я последовала за ним, фыркнув от смеха.

– Тише ты. Что ты такое говоришь? Этот человек – герой.

Эрик Иден, в конце концов, был единственным из ныне живущих людей, кто побывал внутри действующего марсианского цилиндра – его поймали в первые пару дней нашествия в 1907 году, когда военные, пребывая в неведении о природе марсиан, исследовали место пер-

вого падения в Хорселле. Эрика оставили в живых – возможно, как образец для дальнейших исследований; он смог выбраться из цилиндра, не имея при себе совершенно ничего, и немедленно направился в свою часть, чтобы сообщить бесценные сведения о марсианских технологиях.

Может, он и был героем, – но, когда мы подошли, Эрик выглядел довольно встревоженным.

– Миссис Дженкинс, я полагаю?

– Мисс Эльфинстон. После развода я предпочитаю, чтобы ко мне обращались так.

– Прошу прощения. Полагаю, вы узнали меня благодаря афишам в витринах книжных магазинов.

Гарри ухмыльнулся.

– Вроде того.

– О нашей поездке много говорили. Сейчас со мной только Берт Кук, но вскоре мы направимся в Бостон к старику Скиапарелли – тому самому, что открыл каналы, знаете? Ему уже за восемьдесят, но он держится молодцом...

Я быстро представила Гарри, сказав, что мы оба работаем в «Пост».

– Я не читал вашу книгу, сэр, – признался Гарри. – У меня несколько другие интересы. Я сражаюсь с людьми из Таммани-холл¹, а не с Марса.

Эрик выглядел озадаченным, и я почувствовала, что пора вмешаться:

– Таммани-холл – местная политическая машина демократов. Американцы ко всему подходят с размахом, включая коррупцию. И в том цилиндре были не люди, Гарри.

– Тем не менее, – ничтоже сумняшеся продолжал Гарри, – я и сам пробовал силы в книготорговле. Всякая громкая бульварщина – вот моя стезя, раз уж у меня нет возможности торговать героическим прошлым.

– Вам повезло, – мягко сказал Эрик. Эта фраза показалась мне квинтэссенцией британской сдержанности. – Мисс Эльфинстон, Уолтер Дженкинс предупредил меня о вашей, скажем так, неготовности снова впутываться в его дела. Однако мистер Дженкинс подчеркнул важность известия, которое он хочет донести до своей семьи. Похоже, ему не удалось связаться ни с кем из родственников. Именно поэтому ему пришлось пойти кружным путем и выйти на вас через меня.

– Серьезно? Ну ничего себе! – усмехнулся Гарри и покрутил пальцем у виска. – Получается, человек хочет поговорить с бывшей женой, и единственный способ это сделать – достучаться до кого-то на другом краю света, кого он едва знает – при всем уважении, сэр, – в надежде, что он поговорит с бывшей женой его брата...

– Такой уж он человек, – сказала я, почему-то испытывая потребность заступиться за Уолтера. – Он никогда не был приспособлен к жизни.

– Видимо, даже до того как он несколько недель вынужден был скрываться от марсиан, – угрюмо добавил Иден.

Гарри, молодого, уверенного, нельзя было назвать черствым, но я видела, что он не понимает.

– Не знаю, чем вы обязаны Дженкинсу, майор Иден. Я видел ваше интервью в «Пост», где вы ополчились на него за утверждение, будто он видел больше, чем кто бы то ни было, марсиан, пока они шатались по Англии. По вашим словам, вы видели такое, что ему и не снилось.

Эрик поднял руку.

¹ Таммани-холл – политическое общество Демократической партии США. Действовало с 1790-х по 1960-е годы. К 1870-м превратилось в политическую машину, продвигающую демократов на выборные посты; его лидеры не гнушались гангстеризма, казнокрадства и подкупов. – Здесь и далее прим. пер.

– На самом деле я этого не говорил. Репортер, видимо, решил оживить материал – ну что ж, надо ведь как-то продавать газеты. Но я скорее считаю, что нам, ветеранам, стоит держаться вместе. И кроме того, в каком-то смысле Дженкинс действительно весьма мне подействовал. Нельзя отрицать, что именно его мемуары в наибольшей степени сформировали в общественном сознании образ Марсианской войны. А я ведь там упомянут.

– Правда?

– О да. Книга первая, глава восьмая. Хотя по ошибке он сообщил, что я «пропал без вести». Это было весьма краткое упоминание.

Я хмыкнула:

– Вот он, хрестоматийный пример ненадежного рассказчика.

– Но он никогда не рассказывал о моих приключениях, как, скажем, и о приключениях Берта Кука, так что у меня появилась возможность написать о них самому – и издатели озаглавили мои воспоминания «Нерассказанная история».

Гарри рассмеялся.

– Вот это деловой разговор, это я понимаю! Так что у вас за план, майор Иден? Или мы весь день будем тут околачиваться и глазеть на фрески?

– Мозаики, – поправил Эрик. – Простите. Мисс Эльфинстон, мистер Дженкинс хотел бы вам позвонить.

Гарри присвистнул.

– Из Вены? Трансатлантический звонок ударит ему по карману. Знаю, сейчас все только и твердят, что о новом подводном кабеле, и все же...

Эрик улыбнулся.

– Я так понимаю, благодаря успеху его книги мистер Дженкинс сейчас не стеснен в средствах. Не говоря уже о том, что он продал права на экранизацию, – майор взглянул на часы. – Так или иначе, Дженкинс позвонит нам в номер – в тот, где остановились мы с Бертом. Если вы согласитесь отправиться со мной...

– В каком отеле вы остановились?

– «Плаза», – с легким удивлением в голосе ответил Эрик.

Гарри расхохотался.

– Я бы удовлетворился и более скромной гостиницей, но Берт Кук...

– Вам не за что извиняться, – сказала я. – Но... – Я посмотрела Эрику в глаза и увидела в них кое-что знакомое – что-то такое, что я никогда не могла бы разделить с Гарри, каким бы он ни был добряком. Это был взгляд ветерана войны. – Зачем ему звонить? Неужели они могут вернуться? И почему сейчас? Момент ведь совершенно неподходящий, разве не так?

В ответ Эрик лишь пожал плечами – но он понял, о чем я говорю.

Я никогда не была астрономом, но после Марсианской войны все мы стали следить за танцем планет. Марс и Земля гоняются друг за другом вокруг Солнца, как машины на трассе Брукландс. Земля находится на внутренней орбите и потому движется быстрее, иногда обгоняя Красную планету – каждые пару лет или около того. И в эти моменты обгона, которые называются противостоянием (потому что в это время Марс и Солнце находятся в нашем небе строго друг напротив друга), расстояние между Землей и Марсом минимально. Но Красная планета движется по эллиптической орбите, как и Земля, пусть ее орбита и не настолько вытянутая, – они не ходят ровными кругами. А потому от встречи к встрече это минимальное расстояние колеблется от шестидесяти с чем-то миллионов миль до сорока миллионов. Когда планеты оказываются ближе всего друг к другу, это называется великим противостоянием. И оно тоже циклично. Планеты оказываются на минимальном расстоянии друг от друга примерно каждые пятнадцать лет: в 1894 году, и в 1909-м, и в 1924-м...

Я процитировала по памяти:

– До следующего великого противостояния еще четыре года. Атака 1907 года произошла за два года до последнего такого противостояния. Соответственно, в ближайшие два года они не вернутся – если они вообще вернутся. Но если они хотят нарушить традицию и прилететь в этом году, тогда, возможно, они уже в пути. В этом году противостояние случится 21 апреля...

– И, как раструбили все газеты, включая нашу, – вклинился Гарри, – запуск в таком случае состоялся бы 27 февраля – две недели назад.

Еще немного мрачной логики. В 1907 году планеты максимально приблизились друг к другу 6 июля. Цилиндры начали приземляться ровно за три недели и один день до этой даты, а выстрелы из огромных марсианских пушек, в свою очередь, начались за четыре недели и четыре дня до этого.

Но все мы знали, что, даже если астрономы заметили на Марсе что-то подозрительное, никто из нас об этом не услышал бы. После Марсианской войны власти засекретили все астрономические исследования. Предположительно, это было сделано затем, чтобы пресечь панику, которая поднялась во время противостояний 1909, 1911 и 1914 года, и остановить тех, кто бездумно поднимал переполох, повлекший за собой смуту в деловых кругах и так далее, в то время как ни единый марсианин не высунулся из цилиндра. В итоге, по крайней мере в Британии, это привело к тому, что владение нелицензированным телескопом стало уголовным преступлением. В этом была своя логика, но, с моей точки зрения, такая секретность вызвала только больше страха и сомнений.

Получается, даже сейчас цилиндры могут нестись сквозь космическое пространство – по направлению к нам! Зачем бы еще Уолтеру пытаться выйти со всеми нами на связь? Но такой уж он был человек – он всегда говорил обиняками. Некоторое время я пребывала в раздумьях, но неожиданно повисшее напряжение требовало действий.

– Что ж, давайте ответим на звонок, – сказала я так решительно, как только могла. Я взяла Эрика под руку, Гарри придержал меня под локоть, и мы втроем вышли из вестибюля. – Думаю, я как-нибудь протяну час-другой в роскошных интерьерах «Плазы».

– А мне не терпится встретиться с этим Куком, – добавил Гарри. – Если хотя бы половина его слов – правда, он презанятный тип!

3. Артиллерист в Нью-Йорке

Мы взяли такси в отель и отправились на пересечение 58-й улицы и 5-й авеню. Главный вход «Плазы», если вы вдруг не знаете, выходит на Великую армейскую площадь, посвященную победам Армии Союза в Гражданской войне. С 1922 года на ней появились также монументы, связанные с другим военным конфликтом. Но тогда это было впечатляющее зрелище.

Номер Эрика был именно таким роскошным, как я и ожидала, – с пухлыми креслами и великолепным видом на площадь. На низком стеклянном столике возвышалась закупоренная бутылка шампанского. Комнату наполняли слегка дребезжащие звуки регтайма, исходившие из радиоприемника. Это был не один из тех маленьких «народных приемников» казенного вида, известных как «мегафоны Марвина», какие в те годы можно было найти в любом британском доме, а добротная американская техника в ореховом корпусе.

И в этом антураже Альберт Кук, одетый в халат, возлежал на диване и лениво листал цветное приложение к какой-то газете. Когда я впервые оказалась в американском отеле, меня совершенно ошеломила такая роскошь, как собственная ванная, телефон в номере и каша на завтрак. Но Кук явно чувствовал себя в этой обстановке как рыба в воде.

Кук казался чуть старше Эрика – на вид ему было лет сорок; у него были аккуратно подстриженные черные волосы с проседью, а нижнюю часть лица пересекал багровый шрам (хотя позднее до меня дошли слухи, будто Кук специально подкрашивал его для лучшего эффекта). На комод лежал потрепанный фолиант – один-единственный экземпляр его книги, зато посреди комнаты возвышалась стойка с плакатом, изображающим Кука в изодранной униформе и с какой-то дубинкой в руках. Надпись на плакате гласила:

Воспоминания артиллериста

Эрик представил нас. Кук не поднялся с дивана. Он что-то буркнул Гарри и смерил меня взглядом с ног до головы, явно разочарованный при виде женщины, одетой в скромный брючный костюм. Надеюсь, что я ответила ему достаточно испепеляющим взглядом. Со времен Первой войны я отказалась от одежды, в которой было неудобно ездить на велосипеде, и остановила свой выбор не на изящных модных костюмчиках, а на простых и грубых, какие носили работницы военных заводов, – и мне было все равно, что Кук думает по этому поводу.

Он снова уткнулся в журнал.

– Так что, Эрик, у нас полчаса до этого проклятого звонка?

Эрик вынул шампанское из ведерка – в бутылке оставалось не более трети. Он виновато взглянул на меня.

– Если хотите, могу заказать еще.

Мы с Гарри помотали головой.

– Пожалуйста, садитесь. Давайте я возьму ваши пальто...

– И не беспокойтесь, я не буду вас смущать, – лениво протянул Кук. – Когда профессор позвонит из своей заокеанской психушки, я тотчас же уйду. Мне с ним говорить не о чем – с тех самых пор, когда он в Путни вылакал мое пойло, обыграл меня в шахматы и удрал, – не успели мы приняться за работу.

Гарри рассмеялся.

– Ну слушайте, мы же все читали книгу. Какую еще работу? О какой бы грандиозной схеме с подкопами вы ни мечтали...

– Это все с его слов. Спасивый ученый индюк! Надо было его засудить.

– С таким же успехом вы могли бы засудить Чарли Чаплина.

Кук нахмурился: Гарри наступил на большую мозоль. Слава Чаплина была во многом построена на единственном образе – «маленьком солдатике», комическом добряке-артиллери-сте в форме не по размеру, который вечно мечтал стать генералом, в то время как его пушки то и дело взрывались в клубах дыма. Даже более толстокожий человек, чем Альберт Кук, заметил бы, откуда растут ноги у этого персонажа. Но Кук, в конце концов, послужил просто точкой отсчета для создания образа.

Я вклинилась в попытке сгладить недостаток такта своего коллеги:

– Не думаю, что хоть кто-то из нас выглядел достойно в книге Уолтера. Я до сих пор не смирилась с тем, как он представил меня миру.

Описывая, как его брат помогал нам с невесткой отбиться от грабителей, Уолтер использовал слова, которые надолго впечатались мне в память. «Второй раз за этот день девушка обнаружила недожинное присутствие духа...»² Как будто все девушки – трусливые создания! И так далее. Меня могли бы с позором вышвырнуть из рядов суфражисток, пока их движение еще не запретили!

Берт Кук меня не слушал – как я выяснила впоследствии, для него это было типично.

– Надо было его засудить, что бы там ни говорили адвокаты.

Эрик покачал головой.

– Не глупи. Он сделал тебя героем! Пускай и без умысла. Я слышал, как ты рассказывал на публике – сам знаешь, как народ падок на такие детали, – о том, как толпа устремилась прочь от марсиан, а ты единственный отправился им навстречу, сообразив, что там может быть еда...

Конечно, я вспомнила этот отрывок:

– Я питался около марсиан, как воробей около человека.

– Да, это обо мне, – теперь Берт смотрел на меня, словно рассчитывая впечатлить. – Хотя я никакой не воробей. Я все продумал, понимаете? И тогда, и сейчас. И тут вдруг он появляется из ниоткуда и хочет с вами поболтать. Что же он, интересно, хочет обсудить? То, как Зигмунд Фрейд каждый день ставит ему клизму, – он ведь его приводит в чувство с самого 1907 года?

Он вдруг посерьезнел:

– Или речь о Марсе? Скоро новое противостояние – это всем известно. Может быть, Уолтер что-то выяснил? Ему ли не знать, в конце концов!

Я повернулась к Куку.

– Вы презираете его за ученость и эрудицию, считаете его слабаком – и все же хотите узнать, что за сведения он хочет до нас донести?

– Если марсиане и вправду предприняли новую попытку, разве я не имею права об этом знать? Уж кто-кто, а я точно имею!

Он встал, пошатываясь, схватил бутылку шампанского за горлышко и проковылял к двери.

– Мой выход... во сколько он там, Иден?

– В шесть часов. В том книжном на Бродвее, который...

Кук громко рыгнул и подмигнул мне с сальной улыбкой.

– А потом посмотрим, кто чего стоит, а? Представьте себе, юные, пышущие здоровьем американки так и льнут к тем, кто прошел через ужасы войны. Как там говорится – «выживает сильнейший»? «Как воробей около человека...» Ха!

Думаю, все мы почувствовали облегчение, когда за ним закрылась дверь.

Затем последовало несколько минут неловкого молчания, пока мы ждали звонка от Уолтера. Мы разрешили Эрику заказать для нас кофе, и его принесли на подносе с грудой сладких кексов.

– Так что, мисс Эльфинстон... Джули?

² Здесь и далее «Война миров» Г. Уэллса цитируется в переводе Михаила Зенкевича.

- Да, майор, меня зовут именно так.
- От чего это сокращение? От Джулии? От Джульет?

Гарри хмыкнул.

– Ни от чего. Меня просто называли Джули. Я родилась в 1888-м, в том самом году, когда в театрах шла «Мисс Джули» Стриндберга, и мою маму она очень впечатлила.

Эрик кивнул.

– Получается, когда прибыли марсиане, вам было девятнадцать.

Я пожала плечами.

– Я была уже взрослая.

– Мне самому было всего двадцать пять. Многие из моих людей были старше. В армии солдаты идут за сержантами, а не за офицерами. Что ж, тем лучше! Но, знаете, во время войны Шлиффена и русские, и немцы вербовали и более юных рекрутов – когда бои затянулись...

Мне стало интересно, откуда он об этом знает. Давно ходили слухи о британских «советчиках» на стороне Германии, которые применяли на восточных полях сражений экспериментальные виды оружия и методы ведения боя. Люди мрачно намекали, что кое-что из этого основано на марсианских технологиях.

– Хорошо, что мы остались в стороне от этого, – продолжил Эрик. – Французов ведь миглом отправили в нокаут, – он изобразил боксерский двойной удар. – В школе я неплохо боксировал. Конечно, с тех пор подрастерял мастерство...

Гарри прыснул со смеху, затем осекся и извинился.

Наконец, к нашему общему облегчению, зазвонил телефон.

Эрику пришлось пообщаться с целой чередой телефонисток: в отеле, на новой трансатлантической телефонной станции и наконец в Вене. У последних, с его слов, был «сильный немецкий акцент, но хорошее произношение». Наконец он передал трубку мне.

К своему удивлению, я услышала не Уолтера, а другого человека – он говорил по-английски звучным, хорошо поставленным голосом.

– Миссис Дженкинс?

– Лучше называйте меня мисс Эльфинстон.

– Ммм... Да, в истории болезни вашего деверя была пометка. В таком случае приношу извинения. Дозвониться до вас через океан – и начать с такой ошибки!

– С кем я говорю? Где Уолтер?

– Еще раз прошу меня простить. Меня зовут Чарльз Сэмюэл Майерс. Я один из докторов, которые в последние несколько лет лечили мистера Дженкинса от неврастении.

Я нахмурилась.

– От неврастении?

Эрик Иден скривился.

– Рядовые, которые видели марсиан воочию, называли это тепловым ударом. Или, как выражается Берт, горячкой. Или колотуном...

Гарри снова покрутил пальцем у виска.

– Джули, ты разговариваешь с чокнутым!

4. Ненадежный рассказчик

Тепловой удар. Горячка. Колотун. Неприглядные солдатские словечки для еще более неприглядного состояния.

Позже я узнала, что мой деверь впервые столкнулся с этими словами, когда его отправили на обследование к доктору Майерсу в военный госпиталь Крейглокхарт близ Эдинбурга. Это было осенью 1916 года, спустя целых девять лет после войны.

Майерс вел прием в пыльном кабинете, который, возможно, некогда служил курительной комнатой. Там лежали книги – воспоминания о Марсианской войне, специально выставленные напоказ, как подумалось Уолтеру; там были и его собственные воспоминания, и первая из книжек Берта Кука, в которой он сам себя восхвалял. Но на столе высились свидетельства другой войны, в основном на немецком, – сводки с восточного фронта войны Шлиффена, которая тогда еще была в разгаре.

– Тепловой удар, – произнес Майерс. – Термин, который вошел в обиход после Марсианской войны. Но само это состояние наблюдалось и раньше. Во время Второй англо-бурской войны хирурги британской армии сообщали о похожих симптомах у солдат, которые побывали под артиллерийским обстрелом; наблюдалось это и еще раньше, в Америке, во время Гражданской войны. И, конечно, начиная с четырнадцатого года немцы на востоке и их противники русские стали давать этому свои имена. Боязнь пушек, контузия, военный невроз – так можно перевести их термины. Я был первым, кто описал этот феномен в рецензируемом журнале – в «Ланцете».

– Рад за вас, – сказал Уолтер. Он чувствовал себя крайне неудобно. В то время ему было пятьдесят, и, по собственному признанию, после войны он уже не казался себе сильным и крепким. Его до сих пор беспокоили ожоги, в особенности на руках. Тогда, как он рассказал позднее, он почувствовал себя в ловушке. – Но я не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

– Я же вам говорил, – терпеливо сказал Майерс. – Я верю, что немецкая боязнь пушек – это тот же психологический феномен, что и колотун, о котором говорит Кук. И к вам он имеет самое непосредственное отношение – в этом можно убедиться, читая ваши мемуары.

Уолтер возмущенно вскинул голову.

– На меня обрушилось много критики из-за того, что мои воспоминания сочли, как выразился Парриндер, «недостовверными». Я писал эту книгу как честный отчет о том, что пережил во время войны, и привел в ней свои последующие размышления, поскольку я верю, что попал в уникальную...

– Да-да, – прервал его Майерс, – но самое уникальное в вашей ситуации то, что в этой книге – в отличие от многих воспоминаний о войне, как, например, героические рассказы Черчилля или хвастливые мемуары типов вроде Альберта Кука, – вы дали честное и пронзительное описание собственного душевного недуга. Разве вы не видите? Недуга, от которого вы в определенной степени страдали еще до войны. Даже до начала сражений вы явно испытывали трудности: ваши отношения с женой дали трещину...

– Я признаю, что пережитое во время войны стало для меня тяжелым ударом. Ни один человек, способный мыслить и чувствовать, не может пройти через такое, не изранив душу. Но чтобы у меня было психическое расстройство еще до войны? Доктор, с этим я не согласен.

– Но вы сами об этом пишете своими собственными словами. Книга первая, глава седьмая. «Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны». Воистину необычны! Вы описываете чувство отчужденности от мира, даже от самого себя, как будто вы наблюдаете за собственной жизнью со стороны... До начала войны вы предавались утопическим мечтаниям, не так ли? Вы грезили об идеальном мире, глядя на него откуда-то извне,

и об идеальном человечестве, для которого вы тем не менее остались бы лишь необязательным дополнением... Но когда явились марсиане – посмотрите, как вы сами описываете свою реакцию на вторжение! Вы говорите, что в панике бежали из Хорселла, где они совершили первую высадку, – и вскоре после этого пришли в себя как ни в чем не бывало. Как ни в чем ни бывало! – он щелкнул пальцами. – Вы продемонстрировали удивительную смесь страха с любопытством: вы были охвачены ужасом – и все же не могли остаться в стороне от зрелища, от таинственного, необычного происшествия. Вы даже упоминаете, что кружили в поисках – как вы это сказали, «более удобного наблюдательного пункта»? Ха! В вас боролись две силы – любопытство и страх. А что до вашей отчужденности от людей – вы ведь можете быть очень жестоким, не так ли? Чтобы спасти жену, вы взяли двуколку у... у...

– У местного трактирщика.

– Именно! И обрекли человека, который в тот момент был хуже вас осведомлен о происходящем, на смерть. А позже вы и сами стали убийцей – разве не так? Тот священник, о котором вы писали, – вы хотя бы потрудились узнать, кто он, как его имя? Его звали Натаниэль...

– Что толку с того, что я бы это узнал? И я верю, что в темную ночь души, в разгар войны, этот... был оправданным.

– Оправданным с чьей точки зрения? Вашей? Господа Бога? Священника? Даже ваша фраза про «темную ночь души» – цитата из средневекового мистического текста! Вы апеллируете к Богу – в то время как сами написали целую книгу, чтобы оспорить его существование!

– И все же я вырос в лоне этой древней религии, под сводами ее проржавевшего здания, – с явным неудовольствием сказал Уолтер. – Чтобы попасть на первое место работы, стать учителем, мне даже пришлось пройти конфирмацию! И, когда человеческий разум сталкивается с невообразимым, с тем, что выходит за рамки его представлений о мире, он может попасть в ловушку привычного мифа...

– А убийство тоже было для вас невообразимым – прежде чем вы его совершили? Вы, наверное, скажете, что вас подтолкнули к нему марсиане?

– Да, подтолкнули, именно так. Оно не было умышленным.

– Не было? Вы уверены? Вы же из тех людей, кто чувствует отчужденность от собственного разума, не забываете! И, судя по всему, временами и от собственного сознания.

– О чем вы говорите?

– О последней части вашей книги. Вы описываете сильнейший шок при виде марсианской техники, заполонившей привычную сельскую местность, – «чувство развенчанности», кажется, так вы выразились. Очень хорошо. Но в конце войны – когда, как вы заметили, вы были не первым, кто обнаружил, что марсиан истребила болезнь, – вы три дня были в беспмятстве. Классический случай помрачения сознания. Вы написали эту книгу в тринадцатом году, через шесть лет после окончания войны, – и рассказали в ней о видениях, о воспоминаниях, которые продолжали вторгаться в вашу жизнь. Вместо живых людей вы видели призраков, «тени мертвого города». И так далее, и тому подобное. – Он посмотрел на Уолтера, и на этот раз в его лице читалось сочувствие. – Дженкинс, ваши отношения с женой потерпели крах. Как вы думаете, почему?

Это поразило Уолтера в самое сердце.

– Но я провел в ее поисках большую часть войны.

– Да, так вы говорите, – Майерс постучал по обложке книги. – Именно так вы здесь и говорите. Но давайте посмотрим, что вы делали! Вы отправились в Уэйбридж и в Лондон – но не в Лезерхэд, где укрывалась ваша жена; на север, навстречу марсианам, а не на юг, к семье. Вот что вы делали.

– Но ведь марсиане... все было не так просто. Третий цилиндр упал в Пирфорде, между Уокингем и Лезерхэдом, и я...

– Ну бросьте! Для этого было необязательно идти кружным путем через центр Лондона. Кстати, вы знаете, что в своей книге так и не назвали жену по имени – ни единого раза?

– Как меня зовут, я тоже не упоминал. Или, если уж на то пошло, как зовут моего брата. Или артиллериста Кука. Это был литературный прием, призванный...

– Литературный прием? Вы привели имя королевского астронома. Имя коронного судьи! И не назвали имени собственной жены? Как она, по-вашему, это восприняла? И разве вы не посидели? Всего за несколько дней, во время войны.

– Но... но...

– Трудно найти более явный признак недуга – как физического, так и душевного. – Майерс откинулся в кресле. Я хочу сообщить вам, сэр – и я уже написал об этом в «Ланцет», – что вы страдаете от неврастения – она же горячка, колотун, боязнь пушек. Ее симптомы включают в себя нервный тик, задержку речи, паралич, кошмары, повышенную чувствительность к звукам, тремор, амнезию, галлюцинации. Знакомо, не правда ли? Ваш случай, по сравнению с аналогичным заболеванием у обычного солдата с Восточного фронта, примечателен тем, что вы обладаете внятной речью, живым умом, навыками самоанализа – и вы старше. Все это делает вас превосходным образцом для изучения. Сэр, наше правительство, в особенности военные власти...

– Ха! Разве между ними есть разница – теперь-то, с нашим дражайшим премьер-министром Марвином?

– ...побудили меня отправить вас на лечение. В этот госпиталь – и в другие больницы Германии, где изучают боязнь пушек. Хотите ли вы принять участие в моем исследовании? Это окажет на вас благотворное воздействие, и к тому же есть шанс, что таким образом мы выработаем более эффективный способ лечения солдат, переживших подобную травму, – вне зависимости от происхождения.

– А у меня есть выбор?

– Но на этот вопрос, – сказал мне Уолтер, чей шепот то и дело прерывало потрескивание длинных тончайших проводов, которые нас соединяли, он не дал ответа. Думаю, что и не мог дать, поскольку считал себя высокоморальным человеком. Конечно, выбора у меня не было.

Я широко распахнутыми глазами поглядела на Гарри – они с Эриком Иденом слушали наш разговор, склонившись над второй трубкой. Я не знала, что сказать. Несмотря на то что Майерс пытался подготовить нас к разговору, беседа с самим Уолтером повергла меня в растерянность.

– Уолтер, – начала я, – я бы не принимала всерьез всю эту болтовню о Кэролайн. Ты ведь помнишь, я рассталась с Фрэнком, а он даже книги про меня не писал!

– Ох, боюсь, у нас с братом слишком много общего. Он стремится к высшей цели, и это порой служит причиной его отчуждения от людей, даже от самых близких...

– А как тебе лечение?

В 1916 году, в разгаре своей завоевательной войны, немцы волей-неволей стали первопроходцами в том, что касалось излечения от этой болезни – «боязни пушек», как они ее называли. Но их подход был обусловлен их культурой. Поддаться страху было позорно и постыдно. И потому их метод лечения, известный как «метод Кауфмана», был основан на психологическом давлении и – как ни трудно мне было в это поверить – на причинении боли.

– Меня отправили к доктору Йелланду. Он был британцем, но последователем Кауфмана и применял технику, которую называл фарадизацией. Он воздействовал напрямую на симптомы с помощью электричества. Например, если у человека были проблемы с речью, в его язык и гортань посылали электрические разряды, его запирали в комнате и привязывали к креслу до тех пор, пока он не начинал говорить.

– О господи! И это работало?

– Да! Процент излечившихся называют «поистине чудесным». Вот только не упоминают о том, что в большинстве случаев болезнь возвращается.

– А в твоём...

– Йелланд старался «излечить» меня от плохих воспоминаний. Возможно, ты помнишь, что я во время Войны получил ужасные ожоги – особенно пострадали руки. И временами, когда мне снятся кошмары о заточении или бегстве или когда я вижу на лондонских улицах призраков минувшего, мои старые раны ноют – словно бы из солидарности. Намеренно уязвляя пораженные участки, Йелланд пытался разорвать связь между воспоминаниями и физической болью, таким образом стараясь избавить меня от гнета памяти – так он это видел.

– И в итоге...

– После пары сеансов я решил прекратить лечение, – только и сказал он.

– И были совершенно правы! – с чувством произнес Эрик.

– Не сказал бы, что у этой процедуры есть преимущества перед курортным лечением, – сухо заметил Уолтер.

После этого Уолтером занялись Майерс и его коллега, Уильям Риверс, который, будучи последователем Фрейда, со скепсисом относился к фарадизации и схожим методикам.

– Теперь я обретаюсь куда в более приятном предместье Вены, и вместо разрядов у меня разговоры – с Фрейдом и его учениками. Мы все говорим и говорим, а доктора пытаются понять, как травма, угнездившаяся глубоко в раненой душе, влияет на поведение человека. В этом действительно что-то есть – но я, как и британские врачи, скептически отношусь к утверждению Фрейда, будто в основе любого душевного порыва лежит сексуальное влечение. Возьмите марсиан – вот вам и контрпример!

Насколько нам известно, у марсиан вовсе нет понятия пола – у нас есть физические свидетельства того, что они воспроизводили себе подобных, не вступая в половой контакт. Как же к ним применить метод Фрейда? И при этом они разумные существа, у них явно есть мотивы...

Я перевела взгляд на своих спутников. Пора было переходить к сути.

– Уолтер, не надо сейчас беспокоиться о марсианах. Мне жаль слышать о твоих злоключениях. Я сочувствую тебе. Возможно, ты знаешь, что я уехала из Британии после выборов одиннадцатого года, когда к власти пришел Марвин со своими напыщенными громилами. Помню, как солдаты в форме маршировали за каретой во время коронации Георга... Я бы не хотела вслед за тобой оказаться у них в руках. Но ты позвонил, чтобы что-то мне сообщить.

– Я отчаянно пытался выйти на связь хоть с кем-то. Не только с тобой, но и с Фрэнком, и с Кэролайн... Я не нашел другого пути, кроме как достучаться до тебя, Джули. Я не мог сам узнать, где именно ты живешь в Нью-Йорке, поэтому попросил майора Идена передать тебе мое послание. Надеюсь, ты поймешь, ради чего я это затеял. Ты всегда...

– «Обнаруживала недюжинное присутствие духа», как ты выразился в своей книге?

– Прости меня! Послушай: я предлагаю тебе вернуться в Англию. Время еще есть. Садись на пароход – средств у меня хватает. Собери семью, и я позвоню снова. Возможно, стоит остановиться возле Уокинга – дом, где жили мы с Кэролайн, давно продан, но...

– В чем дело, Уолтер? Объясни мне хоть что-нибудь.

Так началось необычайное путешествие, которое привело меня из фойе самого высокого здания в мире к подножию марсианского тренажера в Лондоне – и повлекло дальше.

Но пока что Уолтер сказал только одно:

– У меня плохие новости с неба.

5. Я возвращаюсь в Англию

Я стала искать подходящий пароход и узнала, что «Лузитания» готовится к отплытию. Раз уж Уолтер готов все оплатить, почему бы не совершить путешествие со вкусом? Вскоре я раздобыла билеты для себя – и для Эрика Идена с Альбертом Куком, которые, услышав мрачные намеки Уолтера, решили свернуть свой тур по Америке, принеся извинения профессору Скиапарелли. Марсианская война определила собой все течение их жизни; конечно же, они не могли не последовать за мной.

Не то чтобы в тот момент я горела желанием сразу же отправиться в путь. Гарри Кейн, мой бравый рыцарь, разделял мои чувства.

– Если ты американец, в Англии тебе сейчас придется несладко, – сказал он. – Стоит открыть рот, как поговору все сразу поймут, что ты янки, – и любой коп сочтет своим долгом к тебе прицепиться. А Букингемский дворец у них при этом охраняют немцы. И где тут логика?

– Это политика, ничего не поделаешь.

Он хмыкнул.

– Лично я считаю, что это марсиане во всем виноваты. Как по мне, здесь, по эту сторону океана, Марсианская война, конечно, считалась большим событием, вызвала панику и все в таком роде, – но когда она кончилась, то стала восприниматься как природный катаклизм, все равно что извержение вулкана в Йоркшире или где-то там.

– Ты вообще знаешь, где находится Йоркшир?

– Да вы пропали с передовиц, как только очередной сорвиголова спрыгнул с Бруклинского моста! И кайзер не перестал двигать своих оловянных солдатиков по карте Европы, правда же? Но вы, британцы, кажется, так и не оправились от марсиан.

Я была вынуждена кивнуть.

– Ты проявляешь чудеса проницательности. Так что не позволишь моему деверю оплатить тебе недельный круиз?

– Как-нибудь в другой раз, крошка.

Мы вскользь попрощались – тогда я не могла предположить, что еще очень нескоро увижу Гарри Кейна.

Минуло два дня после звонка Уолтера, и пора было отправляться в путь. Сборы не отняли у меня много времени. Я привыкла путешествовать налегке с того самого ужасного утра, когда я гостила у своего брата хирурга Джорджа и его жены Элис в Стэнмуре – и брат, вернувшись с вызова из Пиннера, сообщил нам новости о марсианском вторжении. Он усадил нас в коляску, пообещав, что встретится с нами в Эджуэре, после того как оповестит соседей. Для нас это было то еще приключение – вы наверняка знаете о нем со слов Уолтера, который относительно достоверно описал его в своей Летописи. Ведь по пути мы столкнулись с его братом, моим будущим мужем Фрэнком, и в итоге наша история оказалась известна широкой публике. Но Уолтер с присущим ему пренебрежением к деталям, касающимся человеческих судеб, не счел нужным рассказать о бесследном исчезновении моего брата, Джорджа Эльфинстона, которого мы так и не встретили.

Кук и Эрик ждали меня на пристани. Лайнер «Лузитания» был настоящим плавучим отелем – с электрическими лифтами и телефоном в каждой каюте. Это быстроходное судно должно было легко перенести нас через океанские волны – плавание занимало меньше шести дней. Конечно, в то время не было более быстрого способа пересечь Атлантику: огромные цеппелины больше не летали над океаном, и всего год прошел с тех пор, как Алкок и Браун совершили перелет между материками на военном самолете с полным баком горючего – такие самолеты впервые появились на Восточном фронте войны Шлиффена.

Путешествие успело вымотать меня, еще не начавшись. Нам пришлось провести лишние сутки в доке, пока в гавани собирался конвой: около двадцати кораблей, включая наш – самый крупный пассажирский лайнер, – несколько торговых судов, а также американские эсминцы, оснащенные гидролокаторами и глубинными бомбами и готовые дать отпор немецким подлодкам. С первых недель войны Шлиффена, которая грянула в 1914 году, ни одна немецкая торпеда даже не поцарапала американский корабль, и тот факт, что подобные меры предосторожности полагали необходимыми, говорит о напряжении, царившем в то время между странами.

Но во всем этом были и свои положительные стороны: конвой направлялся в Саутгемптон, а не в Ливерпуль, где обычно причаливала «Лузитания», – таким образом, мы должны были высадиться ближе к Лондону.

Во время плавания я в основном проводила время в корабельной библиотеке; Эрик облюбовал гимнастический зал, а Кук – салон первого класса с витражными стеклами, мраморными колоннами и трепетными барышнями. Пассажиры то и дело мрачно перешучивались. Говорили, нам повезло, что в нашем конвое не было «Титаника», корабля судоходной компании «Уайт стар», который многие считали проклятым: он едва не пошел на дно после столкновения с айсбергом в первом же плавании – и уцелел только благодаря броне из алюминиевого сплава, в состав которого входил и марсианский металл.

Как только мы причалили в Саутгемптоне, на борт взошли пограничники в черной форме. Их сопровождало несколько обычных солдат в хаки. Мы, трое британских подданных, чьи документы проверили еще на борту, быстро сошли на пристань, в то время как граждане Америки и прочие иностранцы – как и предсказывал Гарри – остались для дальнейшего досмотра. Когда мы покинули корабль, громоздкий багаж двух моих попутчиков был отправлен в лондонский отель.

На выходе из пассажирского терминала нас встречал Филип Паррис, кузен Уолтера Дженкинса. Тогда ему было за пятьдесят. Это был грузный, широколицый тип. Он напояживал свои черные с проседью волосы и одевался в строгие костюмы, дополняя их, как правило, темным галстуком и жилетом, поверх которого красовалась толстая цепочка для часов. Он во всем производил впечатление человека делового и представительного – и достаточно надежного, чтобы некто вроде Уолтера Дженкинса доверил ему благополучие трех путников вроде нас, занесенных ветром из-за океана. Точно так же он некогда вверил собственную жену чужим заботам в хаосе Марсианской войны, пока сам носился за пришельцами по просторам Англии, как слепень за лошадю. В своих мемуарах Уолтер пренебрежительно отозвался о Филипе как о человеке храбром, но не настолько, чтобы быстро реагировать на опасность. Ха! Я бы скорее предпочла иметь на своей стороне такого человека, как Паррис, нежели такого, как Дженкинс.

Филип тут же отвел нас на стоянку и рассказал о своих планах. Он намеревался отвезти нас в отель, а потом, через пару дней, – в Уокинг, где должна была собраться семья Уолтера.

– Надеюсь, пограничники не слишком вас утомили?

Эрик Иден покачал головой.

– Они просто делали свое дело. Но когда они всей толпой поднялись на борт... столько мундиров я не видел с тех самых пор, как покинул Инкерманские казармы.

Филип фыркнул.

– Это вы еще не были в Лондоне. Все из-за Марвина – как по мне, он чересчур близко сошелся с кайзером.

Мы подошли к его автомобилю – новенькому «бентли». Его рама, почти полностью алюминиевая, блестела в жидких лучах мартовского солнца.

Кук, присвистнув, провел пальцем по изящным изгибам капота.

– Что за красotka!

Филип улыбнулся в ответ:

– Как есть красotka! Английский алюминий – или лучше сказать «марсианский», полный бак турецкого бензина и лучшая кожа с французских распродаж. И это не только из любви к роскоши! Я сейчас занимаюсь алюминием, и мне нужно рекламировать свой товар. Сейчас мы свернем на восток, на Портсмут-роуд. Держите документы под рукой. Нам нужно будет проехать через Суррейский коридор – вам, вероятно, будет интересно на это посмотреть, но стража у ворот нынче довольно дерганая...

Суррейский коридор? Стража у ворот? Меня долго не было в Британии, но я помнила, что в Европе даже для пересечения государственных границ не нужно предъявлять документы – не говоря уже о путешествии по Англии.

Филип усадил нас в автомобиль. В салоне пахло лаковой кожей.

Возле Портсмута Филип по просьбе Кука свернул с главной дороги и заехал на возвышение, с которого открывался вид на город и гавань. Портсмут всегда был главным портом Королевского флота, и Английский канал бороздило множество кораблей. В весенней дымке они казались призрачными. Из труб валил черный дым и рассеивался на ветру.

Кук и Эрик, оба военные, были заморожены этим зрелищем.

– Что-то затевается, – пробормотал Кук. – Смотрите, сколько судов.

– Жаль, что у меня нет с собой бинокля, – сказал Филип. – Среди вас кто-нибудь разбирается в кораблях? Не все суда здесь наши. Есть немецкие, а есть и французские, конфискованные во время войны Шлиффена. – Он быстро оглянулся, словно заговорщик. – С американцами сейчас напряженные отношения. В моем клубе ходят слухи... Поговаривают, что кайзеру, который занял всю Европу, снова не сидится на месте. Сначала немцы вступили в войну в Европе, чтобы быстро обескровить Францию и получить возможность ударить по России, пока она не мобилизовала войска, – а теперь планируют захватить Америку, пока та не стала слишком серьезным противником. У Америки, как вы знаете, достойный флот, но очень маленькая регулярная армия, да к тому же сложности с соседней Мексикой. Если немцы смогут переправить флот через Атлантику, а мексиканцев убедят пересечь границу...

– Это безумие, – проговорил Эрик. – Только и разговоров, что о войне. Всех держат в панике.

– И под контролем, – вставила я.

– Вините в этом кайзера, – сказал Кук. – Он силен – и побеждает на одном континенте. Может победить и на другом – почему нет?

Я наблюдала за всеми военными перипетиями издалека. В каком-то смысле все это началось еще во времена Марсианской войны. Британский флот, лучший в мире, оказался бессильным против угрозы с неба. Когда мы с Фрэнком отплыли из Англии на пароходе, мы видели ла-маншскую эскадру, выстроившуюся вдоль устья Темзы, – как выразился Уолтер, моряки «зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, бессильные, однако, ему помешать». Так что после войны случились масштабные перестановки: финансирование резервной армии было повышено, а флота – напротив, урезано. Все это сопровождалось причитаниями об утрате традиций и жестким соперничеством между разными видами войск. Частью этой стратегии стало подписание с кайзером в 1912 году довольно унижительного пакта о ненападении – это было сделано во избежание гонки военно-морских вооружений.

После ужасов марсианского вторжения милитаристская направленность Марвиновского режима срезонировала с общими настроениями. Отдельные предприимчивые дельцы обернули это в свою пользу: портные стали шить униформу, кожевники – изготавливать портупей, кобуры, сапоги и прочее обмундирование, а военные заводы неустанно штамповали оружие, готовясь кинуть его в разверстую пасть грядущих войн...

Все это в конце концов привело к тому, что в 1914 году союзники нас предали.

Филип потер подбородок.

– Что бы вы ни думали о национальных интересах и обо всем подобном, многие из нас испытывали жгучий стыд из-за того, что мы стояли в стороне, когда Германия обрушилась на Бельгию и Францию всей мощью своих машин – тем более что мы сами пережили такую атаку со стороны марсиан. Неудивительно, что у американцев все это вызвало отвращение.

– Мы, слава богу, в то время изливали свою желчь на ирландцев, – с циничной усмешкой сказал Кук. – А что до войны янки с немцами – возможно, марсиане снова к нам пожалуют, и она кончится, не начавшись.

В этом был парадокс Альберта Кука. Его нельзя было назвать умным человеком в привычном смысле слова, и он явно был малообразованным, но он умел ухватить общую картину. И его последнее предсказание, высказанное в шутку, конечно же, оказалось правдивым.

Филип завел машину.

– Не будем медлить. Я знаю в Петерсфилде неплохой бар, где можно перекусить...

6. СURREЙСКИЙ КОРИДОР

Едва перевалило за полдень, когда я узнала, что такое СURREЙСКИЙ КОРИДОР, о котором говорил Филип.

Мы ехали через Гилфорд. Когда мы миновали Хай-стрит, перед поворотом на Лондон-роуд дорогу преградил шлагбаум – вроде тех, что бывают на железнодорожных переездах. Филип замедлил ход, и мы пристроились к небольшой веренице машин: шлагбаум поднимался и опускался, пропуская их одну за другой.

Когда пришел наш черед, к окну водителя подошел полицейский. Он был одет в форму, но на ней не было личного номера, а из кобуры на поясе торчал револьвер. Филип предупредил, чтобы мы заранее приготовили документы. Их унесли в небольшую будку на обочине дороги и тщательно изучили. Мне ожидание показалось невыносимо долгим, но Эрик и Кук, лучше знакомые с нынешними английскими реалиями, вынесли его стоически.

Этим дело не кончилось. Нам по очереди пришлось выйти из машины и проследовать в будку. Эрика и Кука быстро отпустили. Последний, возвращаясь, улыбался.

– Там у бобби лежит моя книга. Попросил меня поставить автограф. Ха!

Словом, с ними все прошло гладко – в отличие от меня. Дежурный офицер оказался низеньким и сердитым, с усами по немецкой моде – длинными, уныло висящими. В Лондоне мне предстояло увидеть еще немало таких усов.

– Мне очень жаль, мисс, но вам придется побыть здесь какое-то время, – сказал он.

– Филип! – крикнула я.

Филип Паррис был представительным человеком даже по меркам марвиновской Британии. Как только он встал рядом со мной, я еще раз спросила, за что меня задерживают.

Усатый офицер взглянул в свои записи.

– Мисс, в 1908 году вы стали членом запрещенной организации – Женского социально-политического союза...

Филип разразился смехом:

– Так вот в чем дело! Вы суфражистка!

– Да, я была суфражисткой, – сказала я и поправилась. – И до сих пор ею остаюсь. Что, теперь это преступление?

– Вообще-то да, Джули. Но с этим мы разберемся.

Благодаря познаниям в области английской бюрократии и силе характера Филип быстро убедил офицера, что нет никаких свидетельств, указывающих на мою причастность к покушениям и нападениям. Я не участвовала ни в убийстве премьер-министра Кэмпбелла-Баннермана на открытии Могилы испепеленного солдата – величественного мемориала в память о павших от тепловых лучей, – ни даже в стихийных протестах, участившихся после полулегальной победы Марвина на выборах в одиннадцатом году, вследствие чего движение запретили. В конце концов после долгих телефонных переговоров Филип вытащил меня в обмен на заверения, что в Лондоне я явлюсь в полицейский участок и Филип собственной персоной выступит гарантом моего хорошего поведения.

Хотя я была благодарна Филипу, с учетом всех обстоятельств было весьма унижительно полагаться на помощь мужчины.

Так меня встретила новая Британия. Мы поехали дальше.

Гилфорд остался позади. «Бентли» легко скользил по практически пустой дороге. И вот мы въехали в те края, где когда-то расхаживали марсиане.

Вы наверняка видели карты этой местности, которые рисовали с самого конца Первой марсианской войны. Зона боевых действий начиналась к юго-западу от Уокинга, на Хорселл-

ской пустоши, где в полночь 14 июня 1907 года приземлился первый цилиндр. Затем землю испещрили новые воронки, складывающиеся в неровные треугольники – следы от цилиндров, упавших за девять следующих ночей. Они тянулись через Суррей до центрального Лондона и дальше. (Конечно, в расположении шрамов, оставшихся на лице Земли, была своя логика, которой я в то время не понимала, но об этом речь пойдет позже.) Эту полосу разрушений вскоре прозвали Коридором. С тех пор природа, насколько я могла судить, взяла свое – опустевшие поля покрывала зеленая трава, яркая даже в сером мартовском свете.

Но мы увидели и руины в центре Уокинга – эту часть города не стали восстанавливать, и она стояла словно памятник погибшим. Горькая ирония судьбы: в свое время Уокинг был печально известен тем, что там построили первый в Британии крематорий, а теперь сам город превратился в некрополь.

Мы ехали по пустынной сельской местности. Исключая дорогу, здесь не было никаких следов цивилизации – я не видела ни оград, ни домов, ни даже живых изгородей.

– Даже после зачистки эта земля осталась заброшенной. От черного дыма, который применяли марсиане, и от красной травы, которая в изобилии здесь разрослась, остались следы – как считается, ядовитые. Поэтому здешние земли ни к чему не пригодны.

– Конечно, этим удобно прикрываться, – с усмешкой заметил Альберт Кук.

Ближе всего к месту высадки марсиан дорога подходила в Пирфорде. Там мы заметили солидное здание из бетона и рифленого железа, с колючей проволокой и вышками по всему периметру, вооруженными часовыми и беспечно развевающимся британским флагом. Чтобы подобраться ближе к яме, пришлось бы проехать через еще один пост – куда более внушительный, чем в Гилфорде.

– Я вообще не вижу отсюда воронку, – пожаловалась я.

– Ничего удивительного, – отозвался Филип. – Так со всеми ямами. Слишком важные объекты, чтобы по воскресеньям пускать к ним ротозеев и торговцев лимонадом.

– Более того, – добавил Кук, – там идут какие-то научные изыскания. Сделали из ям что-то вроде лаборатории. Ученые, изобретатели, военные – все возятся с марсианскими машинами. Видимо, пытаются приспособить их для людей.

Филип хмыкнул:

– А вы откуда знаете?

Бывший артиллерист постучал себя по носу.

– У меня свои источники. И читатели – даже военные, – которые согласны с некоторыми моими взглядами, кое-что мне сообщают. Выяснить, как именно работают эти штуки, не составило большого труда. Взять, например, тепловой луч: тот умник Дженкинс ошибся с его описанием. Это оружие испускает луч в особом – инфракрасном – спектре, и он попеременно отражается от двух маленьких зеркал, становясь все ярче и ярче, пока не вырывается наружу. Когерентный луч – так он называется. Большое параболическое зеркало снаружи пушки нужно, как я понимаю, только чтобы прицелиться – оно испускает свет, едва видимый для нас. А в самом луче пятьсот градусов – еще немного, и он мог бы плавить металл. Готов поспорить, вы этого не знали! Или взять летающие машины: тела марсиан еще не успели остыть, а людям уже удалось запустить эти механизмы. Но чего они не знают – так это того, какая сила приводит их в движение. Внутри у каждой эти маленькие коробочки – источники энергии... Но они не сжигают ни уголь, ни бензин и не похожи на электрические батарейки.

– Он прав, – подтвердил Филип. – Есть пара немецких физиков, Эйнштейн и э-э-э...

– Шварцшильд, – пробурчал Эрик.

– Да, именно. У них есть теория, что эти коробочки как-то связаны с энергией, заточенной, по их словам, внутри каждого атома. Если ее только получится высвободить... возможно, именно это удалось марсианам. Если так, то это пока лежит за гранью нашего понимания.

– Еще бы, – сказал Кук не без удовлетворения. – Но бомбы на их основе уже получают неплохие. Возможно, вы слышали о взрывах в Илинге, Кенсингтоне и Манчестере. Ученые возились с этими устройствами – бум! бах! – и сровняли сто гектаров с землей.

Уолтер воочию наблюдал проявления этой мощи. В Летописи говорится о том, как камера теплового луча у него на глазах обратила воды реки в Шеппертоне в пар и вдоль берегов прокатилась кипящая волна. У Уолтера до сих пор оставались шрамы от ожогов, полученных в тот день. «Подумай, сколько времени нужно чайнику, чтобы закипеть! – сказал он мне однажды. – И представь, какой невероятный поток энергии тот генератор должен был излить в реку, чтобы вся вода в ней забурлила...»

– Но даже если и так – мы все равно имеем дело с чудом, – сказал Филип и замедлил ход. – Вот посмотрите.

Я огляделась. Мы проезжали близ Эшера. По обе стороны дороги тянулся забор, увенчанный колючей проволокой; то там, то здесь торчали сторожевые вышки. Дома были едва видны сквозь решетку, и люди ходили туда-сюда в тусклом свете словно призраки, а с вышек за ними наблюдали солдаты и полиция. Какая-то маленькая девочка прижалась к забору и глядела на нас, вцепившись в стальную решетку.

Мы притормозили возле заводского комплекса. Здесь возле забора расхаживали военные, и Филип удостоверился, что сквозь лобовое стекло виден пропуск. Мы выглянули наружу.

И посреди небольшого скопления бараков, ям и куч глины я увидела марсианскую машину. Это была многорукая машина – крабообразный механизм, который опирался на пять жестких неподвижных ног и орудовал суставчатыми щупальцами. Механизмом никто не управлял. Внутри машин, которые я видела в музее, были изображены марсиане, руководившие ими, словно пилоты, – а этот механизм выглядел так, будто из него выскребли мозг.

За многорукой машиной стоял какой-то неказистый с виду аппарат – вертикальный цилиндр, наверху которого раскачивался туда-сюда некий резервуар. Изящными, хоть и непривычными для земного глаза движениями своих щупальцев этот механизм засыпал в резервуар землю, которая затем попадала в цилиндр. Снизу из цилиндра сыпался отфильтрованный белый порошок. По желобу он попадал в прямоугольную коробочку, откуда выходили клубы зеленого дыма – по-марсиански зеленого, того самого зловещего оттенка, который пробудил во мне живые воспоминания. А может, и не только во мне. И пока мы наблюдали за этим, многорукая машина протянула еще одно щупальце и вынула из коробочки серебристый слиток – алюминий.

Но все эти жутковатые манипуляции были лишь центром картины – а на периферии действия, что разыгрывалось вокруг глины, слитков и зеленого дыма, трудилось множество людей. Там были мужчины, женщины и дети, одетые в блеклые униформы, словно у арестантов. Тяжело волоча ноги, они подносили землю к многорукой машине, уносили слитки и проделывали другую черную работу – все это под надзором вооруженных стражей.

Филип, Кук и Эрик не обращали внимания на людей. Они восторгались техническими приспособлениями, которые успели разглядеть, пока машина ползла мимо.

– Алюминий! – с чувством произнес Филип. – Превосходный материал, прочнее и легче всех прочих металлов... Мы начали его промышленное производство при помощи процесса Холла всего за дюжину лет до прилета марсиан. И нам для достижения таких результатов понадобился бы завод, по мощности не уступающий Ниагарскому водопаду, и огромное количество бокситов, богатых алюминием. Но этого металла в земной коре полным-полно. Марсиане могли производить алюминий из обычной глины!.. Я хотел, чтобы вы увидели это, Джули. В конце концов, мы одна семья. Вот на этом я сделал свое – наше – состояние. И благодарить за это следует Уолтера. Я расскажу вам, как это скромное приспособление, марсианская машина для плавления алюминия, повлияет на будущее страны сильнее, чем любое оружие.

Я подумала о том, что видела на подъезде сюда.

– Но все эти заборы... револьверы... люди, которые здесь работают... Кто они? Преступники?

– Не обязательно. Вы наверняка знаете, что в Англии сейчас много французских беженцев. А также бельгийских. Некоторые из них нарушают порядок – доставляют неприятности немцам и так далее. К тому же у нас есть и свои саботажники...

– Саботажники? Что, и дети? И всех их очень удачно убрали с глаз долой, в этот «Коридор», где для каждого найдется работа? Что это, Филип, – концлагерь?

У него хватило такта показаться смущенным.

– Это не Южная Африка, – только и сказал он.

Берт Кук рассмеялся.

– Готов спорить, что Кейр Харди и Рамсей Макдональд где-то в этом лагере – дерутся за верхнюю койку как настоящие социалисты!

Филип нажал на газ, и мы плавно поехали дальше.

По пути на север мы оставили по правую руку обгоревшие руины Уимблдона. Недалеко оттуда возвышалось здание, похожее на ангар. Его окружали земляные насыпи. Это было место, куда упал шестой по счету цилиндр.

Дорога здесь проходила по виадуку, потому что местность была затоплена – как я впоследствии узнала – из-за того, что Темза заросла красной марсианской травой. Хотя с победы над марсианами минуло тридцать лет, нанесенный ими ущерб еще только предстояло исправить. И здесь я снова увидела отряды рабочих – они, стоя по колено в неглубокой воде, рыли дренажные канавы или делали что-то в этом роде. За ними приглядывали вооруженные полицейские. На поверхности воды сверкали солнечные блики.

Альберт Кук тихо произнес:

– Я был здесь, рядом, на Пулни-хилле. Бросал вызов марсианам. На том доме сейчас наверняка красуется памятная табличка с такой надписью.

И после этого почти всю дорогу до Лондона мы молчали.

7. В Лондоне

Филип припарковал «бентли» на просторной стоянке возле вокзала Ватерлоо. Его переделали, и теперь вокзал был похож на копошащийся муравейник с пристроенной к нему аркой из мрамора и бетона, которая больше всего напоминала мне Бранденбургские ворота.

В Лондоне мы должны были провести две ночи. Мы договорились встретиться через день, чтобы вернуться в Суррей, где ждали Фрэнк и Кэролайн. Эрик и Кук отправились в отель, который Филип подыскал для нас в районе Элефант-энд-Касл, – туда уже отвезли весь багаж, за исключением моего рюкзака. Филип напомнил, что должен сопроводить меня в главное управление полиции Лондона, которое теперь находилось в Барбикане, – доказать, что я не анархистка.

Время терпело, и мы с Филипом решили прогуляться.

На выходе со стоянки моим вниманием завладел колоссальный плакат, где был изображен генерал Брайан Марвин собственной персоной – он стоял, сложив руки, и, казалось, глядел прямо на меня.

В ЮЖНОЙ АФРИКЕ Я СРАЖАЛСЯ С БУРАМИ —
НАША НАЦИЯ БЫЛА УНИЖЕНА!
В ШЕППЕРТОНЕ Я СРАЖАЛСЯ С МАРСИАНАМИ —
АНГЛИЯ ПАЛА НИЦ!
БОЛЬШЕ МЫ ЭТОГО НЕ ДОПУСТИМ!
ЗАПИСЫВАЙСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ!

Филип встал рядом со мной.

– Годы его не красят, правда?

– Удивительно, что никто не пририсовал ему более пышные усы.

Филип рассмеялся:

– Никто бы не осмелился.

Я взглянула на него и подивилась странностям, присущим человеческому роду – и Филипу Паррису в частности. Он явно был хорошим человеком, здравомыслящим, готовым прийти на помощь друзьям. Ему хватало ума и беспристрастности, чтобы осознавать пороки режима, при котором он сейчас жил, и даже его абсурдность. И все же он и бровью не повел при виде лагеря в Коридоре. Мы, люди, – поистине сложно устроенные существа, и последовательность нельзя отнести к числу наших достоинств.

Мы прошли через здание вокзала – гулкой зал, половина которого была отгорожена досками. Внутри царил обычный хаос – носильщики, пассажиры, чемоданы, завитки пара и пронзительные гудки. Но строительство меня удивило.

– Что тут происходит? Не помню, чтобы во время Марсианской войны вокзал как-то пострадал.

– О, это воплощение очередной марвиновской мечты. Он обещал развить железнодорожную сеть, построить больше путей, чтобы было проще перевозить людей и оружие на случай нового нашествия марсиан. В какой-то мере он с этим справился. Но у него слабость к показной роскоши, как у старых вояк вроде Черчилля и у всех тех воротил, которые заправляют железными дорогами и угольными шахтами. Все они теперь в правительстве. Широкие судоходные каналы должны соединить Клайд с Фортгом, а затем с Гранджемутом. Представьте себе военные корабли на озере Лох-Ломонд! Если марсиане могут перекраивать свою планету, чем британцы хуже? Вот такой логикой он руководствуется. План именно таков – но пока что

в шотландской земле едва ли вырыли хоть одну канаву. Или взять туннель под Ла-Маншем. Работы даже не начались – но зато у нас есть вокзал! По крайней мере его фасад.

У выхода с вокзала был книжный киоск компании «У. Г. Смит и сын», и я из профессионального любопытства туда заглянула. В противовес живой и пестрой американской прессе здесь, судя по всему, преобладали унылые правительственные листки. Больше всего было «Дейли мейл» – эта газета первой возобновила выход после Марсианской войны, и она не давала читателям об этом забыть: «Даже марсиане не заставят нас замолчать!» Мне стало интересно, есть ли в Британии подпольные газеты.

Мы перешли мост Ватерлоо, где кипела работа – мост перестраивали после ущерба, нанесенного войной. Над Лондоном висел привычный густой смог, и, стоя над вечной рекой, я видела сквозь него Вестминстер. Дворец, поврежденный тепловым лучом, был снесен, и даже огрызок часовой башни больше не торчал из земли. На месте дворца возвели грозную крепость из стекла и бетона.

Филип хмыкнул.

– Полюбуйтесь на деяния наших правителей. Вместо парламента построили бункер – тьфу! И в Сити вокруг банка возвели такую же конструкцию – чтобы защитить мировой финансовый центр. Конечно, Лондон остался Лондоном. С утра сюда по-прежнему стекаются служащие и работяги из пригородов, а вечером они разъезжаются по домам, и так день за днем. Но всем нужно носить с собой пропуска и документы, а иногда защитные маски от черного дыма и револьверы – смотря что за учения сегодня проходят...

Послышался глухой стук, от которого, казалось, мост задрожал у нас под ногами, и реку накрыло крупной тенью. Я посмотрела вверх – в небе, словно огромный летающий кит, парил цеппелин. На боку у него был ясно виден немецкий имперский орел.

Перейдя через реку, мы прогулялись по Стрэнд и прошли через Ковент-Гарден. Повсюду развевались флаги, висели плакаты с изображением королей и главных представителей новой военной власти: самого Марвина, Черчилля, Ллойда Джорджа. Но на улицах было грязно, с домов сходила краска, и на глаза постоянно попадались попрошайки. Их ладони, протянутые за мелочью, напоминали запачканные цветы.

Меня удивило количество людей в форме – не только бобби и солдат. Возле каждого административного здания стояла стража, и даже швейцары и официанты сверкали эполетами и медными пуговицами. Я подумала, что Лондон превращается в Берлин. К тому же на улице, как мне показалось, повсюду был слышен немецкий акцент.

Оказавшись на Трафальгарской площади, я ощутила смутную радость при виде того, что Нельсона, которого даже марсиане обошли стороной, пока не заменили на ухмыляющегося Брайана Марвина, героя Уэйбриджа. Мы прошли по Чаринг-Кросс-роуд. Из всех мест, которые я успела увидеть в Лондоне, это изменилось меньше всего: все тот же лабиринт книжных магазинчиков и передвижных прилавков, заваленных потрепанными томами. В юности я любила приезжать в Лондон не ради нарядов, кафе или представлений, а исключительно ради книг. Мне показалось, будто я споткнулась о кусочек своего прошлого, и воспоминания накрыли меня с головой. Филип – куда более чуткий, чем казался, – взял меня под руку, и дальше мы шли молча. Но дух времени все-таки просочился сюда, и в глаза мне бросилась новинка, гордо выставленная на витрину: «Генерал Марвин. Зачем нам сражаться на бесконечной войне», Артур Конан Дойл.

Мы прошли по Оксфорд-стрит и Портленд-плейс. На Мэрилебон-роуд миновали людей с плакатами, зазывавших в Музей мадам Тюссо, – там как раз была выставка, посвященная «поистине ужасным» пищевым пристрастиям марсиан. Филип сказал, что она пользовалась большой популярностью.

Когда впереди зазеленел Риджентс-парк, это стало облегчением – по крайней мере, для меня, пусть солнце и клонилось к закату. Но даже здесь многое изменилось. Простор-

ные газоны уступили место огородам, которые были призваны побудить горожан выращивать овощи на собственных лужайках. А дети, которые раньше запускали здесь воздушных змеев и катались на велосипедах, теперь маршировали строем, копались в земле и временами даже разыгрывали между собой шуточные сражения.

Позже я узнала, как Марвин изменил образовательную систему. Девизом нового подхода стала фраза Веллингтона, которую он как-то произнес, наблюдая в Итоне за игрой в крикет: «Вот где растут те, кто победил при Ватерлоо». Теперь Итон и другие школы выпускали только офицеров, а младших ребят призывали вступать в ряды «Юных саперов» – движения, организованного лордом Баден-Пауэллом, где мальчики и девочки пяти-шести лет рыли траншеи или перевязывали воображаемые раны. Все это было частью общего плана, призванного очистить национальный дух, как выражались сторонники Марвина. Я глядела на все это неподвзятым взором человека, только что прибывшего из-за океана, и ужасалась. Дети-солдаты – вот будущее Британии?

Мы миновали Зоологический сад. Теперь он был закрыт, и в нем больше не было животных. Затем мы пересекли Альберт-роуд и поднялись на Примроуз-хилл. Перед нами, как и всегда, открылся впечатляющий вид. Холм, казалось, вырастал из зелени Риджентс-парка, за которым пестрым коралловым рифом раскинулся город: пострадавший купол собора Святого Павла, новые здания Вестминстера и Уайтхолла – бетонные наросты на теле Лондона, неземное сияние Хрустального дворца и холмы Суррея на горизонте.

Именно здесь приземлился седьмой марсианский цилиндр, и это место стало сердцем самой крупной марсианской постройки, сооруженной во время войны. Ее отгородили забором, как и ямы в Суррее. Но из трех недвижимых боевых машин, которые заметил Уолтер, поднявшись сюда жарким летним днем на исходе войны, одна так и осталась стоять – застывший треножник, который сбоку было почти не узнать. Вокруг него выросла ярмарка – карусель с лошадьми и машинками, паровой органчик, гонки на воздушных шарах, соревнования по сшибанию кокосовых орехов. У подножия устрашающего памятника войне играли дети. Я посмотрела на медный колпак треножника, так похожий на голову.

И именно в этот момент со мной случилось то, что Филип позже описывал как припадок.

Какое-то время я просидела на скамейке, пока Филип суетился рядом. Когда я пришла в себя, мы взяли такси и поехали в полицейское управление в Барбикане, где ко мне подошли с холодным профессионализмом, хотя отпустили только после девяти вечера.

Я разрешила Филипу проводить меня в отель, где тут же отправилась в номер, заказав холодные закуски. Я мало спала и старалась не думать о том, что так сильно встревожило меня на холме.

Следующий день у нас был свободен. Я чувствовала, что хочу увидеть настоящий Лондон, вдали от Филипа с его искренней, но удушающей заботой и вдали от военного цинизма всех остальных. В городе у меня до сих пор оставались старые друзья, и я спешно позвонила паре из них, договорившись о встрече.

Я вышла из отеля рано утром, чтобы избежать общества Филипа и других попутчиков.

Ланч я провела в Ламбете – ела устрицы со школьным другом, который руководил бесплатной столовой для бездомных. Какие бы грандиозные планы ни вынашивал Марвин, какой бы вклад он ни сделал в национальную безопасность, экономика при нем стала, мягко говоря, шаткой. Приятель рассказал мне, что, хотя профсоюзы и подобные объединения давно запретили, среди рабочих нарастало недовольство – в шахтах, на железных дорогах, даже в Вулиджском арсенале, где производилась немалая часть боевой техники. Все волнения жестоко подавлялись. И в довершение всего начали снова открываться работные дома. У моего приятеля было полно клиентов. Он сказал, что мне повезло приехать в марте: летом Ламбет кишел насекомыми.

Вечером я для контраста увиделась с другой старой знакомой – женой банкира. Мы встретились в чайной – я сидела и смаковала запах кофе, чая, сигаретного дыма и стук костяшек домино. Хильда одолжила мне вечернее платье, и мы отправились на Стрэнд, в «Савой», который – как я шутливо сообщила подруге – был почти так же роскошен, как и «Лузитания». Мы заказали икру, крабов, грибной салат и бутылку рейнвейна. В «Савое» собрался обычный контингент – всевозможные прохвосты, развратники, девушки сомнительной морали и студенты с розовыми от выпивки щеками. Мы танцевали под музыку оркестра «Савой-Гавана» и разрешили себе поддаться очарованию симпатичных немецких офицеров.

Мне показалось, что в «Савое» довольно мало народу, но Хильда напомнила, что сейчас еще не сезон. Пока высший класс страдает от сквозняков в своих загородных особняках, но скоро начнется лето, и они наводнят Лондон. «Как насекомые наводнят Ламбет», – подумала я. В Британии, о чьей морали так пекся Марвин, осталось не так уж много развлечений. У нового правительства не хватило духу запретить алкоголь, но цены на него резко выросли за счет повышения налогов. Были запрещены занятия почти всеми видами спорта (хотя я и так спортом не увлекалась), кроме крикета, который Марвин считал «мужским», и футбола, в который теперь играли только военные в свободное от службы время. Но в Лондоне по-прежнему хватало мест, чтобы потратить деньги. Состоятельным людям, по словам Хильды, новый режим не принес особых хлопот – они могли жаловаться разве что на то, что в Англии снова развели диких кабанов, чтобы немцы могли охотиться на «швайне».

Между танцевальными номерами в зал пускали механического официанта. Перемещался он, конечно, не сам, зато у него были ловкие металлические щупальца, которыми он разливал напитки и даже смешивал коктейли. Конечно, это была марсианская технология – и довольно передовой способ ее применения. Возможно, за такими машинами было будущее – но мне все это казалось нелепым. Нарядные люди аплодировали и смеялись...

Мы забрались дальше в дебри Лондона. Пошли в танцевальный зал в Сохо, где американский ансамбль играл джаз – и танцы были не менее буйными, чем музыка...

Все это казалось ненастоящим, и чем сильнее я отдавалась этим глупым приключениям, тем менее реальными они ощущались. Все это напоминало театр кукол на склоне вулкана. Я продолжала думать о тех пронзительных словах, которыми Уолтер в своей Летописи передал настроение последних дней перед падением цилиндра, которые он провел в Уокинге вместе с Кэролайн: «Все казалось таким спокойным и безмятежным».

Я не стала рассказывать друзьям о том, что именно вызвало мой припадок на Примроуз-хилле. В мартовских сумерках, пока лондонские ребяташки играли у подножия колоссального механизма, мне показалось, что марсианин повернул голову.

8. Встреча в Оттершоу

На следующее утро, хотя я чувствовала себя не лучшим образом, я была готова ехать в Суррей вместе с Филипом, Эриком и Куком. Было 25 марта, четверг.

Ближе к обеду мы наконец собрались в Оттершоу – примерно в трех милях к северу от Уокинга, где когда-то жили Уолтер и Кэролайн. Хотя это место было всего в двух часах ходьбы от первой марсианской воронки, оно не относилось к Суррейскому коридору.

Марина Оджилви, которая принимала нас у себя, была давней подругой Кэролайн, хотя их мужья дружили между собой теснее. Бенджамин Оджилви был известным астрономом-любителем и владел небольшой обсерваторией в Оттершоу. В то роковое лето 1907 года они с Уолтером наблюдали в телескоп красноватые вспышки на поверхности Марса, те облака газа, которые, как выяснилось позже, знаменовали собой выстрелы из гигантской пушки. Что за волнение, должно быть, испытали Уолтер и Бенджамин, увидев их собственными глазами! А первое приземление марсиан в Хорселле, так близко от его дома, вероятно, казалось Бенджамину благим знаменем – наряду с ответом от королевского астронома, который откликнулся на его призыв и приехал в Хорселл. Быть может, для Бенджамина это была вершина всего жизненного пути. И вскоре за ней последовала смерть – в первые часы после встречи человечества с марсианами.

Невзирая на этот ужасный исход – или, возможно, как раз по его причине, – Марина не стала продавать дом и поддерживала в должном состоянии обсерваторию покойного супруга. Ни одно из этих зданий во время войны не пострадало. Марина даже сдавала обсерваторию группе местных астрономов-любителей, которые в изобилии появились по всей стране, с тех пор как ночное небо стало для всех нас источником угрозы. Позже, конечно, Марвин запретил астрономам-любителям наблюдать в телескопы за Марсом, согласно Закону о защите королевства от 1916 года, – и огромный телескоп Бенджамина остался без линз и зеркал.

Как бы то ни было, Марина гостеприимно предоставила нам свой дом, чтобы мы могли по телефону связаться с Уолтером. Ее номер у Уолтера остался, хотя с Кэролайн, своей бывшей женой, он потерял связь. После развода Кэролайн быстро продала дом на Мэйбэри-роуд. Полагаю, если вы читали Летопись, причины этого развода должны быть для вас очевидны. Но было что-то правильное в том, что мы оказались рядом с тем местом, где все началось.

Пришли мы с Филипом. Пришли Эрик с Куком – можно сказать, они последовали за мной, встревоженные и заинтригованные теми новостями, которые обещал сообщить Уолтер.

И, конечно, на встречу позвали моего бывшего мужа – Фрэнка Дженкинса, брата Уолтера. Марсиане, эти инопланетные сводники, вновь устроили нам встречу – ведь с Фрэнком мы познакомились во время всеобщего бегства из Лондона. Тогда он был студентом-медиком, а мне было девятнадцать (на несколько лет меньше, чем ему), и я хотела стать журналистом. И какое-то время все шло неплохо. Фрэнк закончил учебу и занялся тем, чем, очевидно, всегда и хотел – стал врачом общей практики, и мы купили дом в Хайгейте.

Но Фрэнку всегда было присуще чувство избранности, желание следовать высшему долгу, которое роднило его с братом. Несмотря на искреннюю преданность своему делу, он часто отлучался к беднякам в Ист-Энд и занимался тем, что я называла «миссионерской работой». А в шестнадцатом году, когда вышел Закон о защите королевства, Фрэнк удивил меня, поступив на военную службу по одной из только что созданных программ Марвина. Он записался в добровольческий резерв Территориальной армии, которую Марвин, отлично владеющий искусством пускать пыль в глаза, назвал Фирдом³ – эдакий уважительный кивок в сторону исторических корней.

³ *Фирд* – национальное ополчение в англосаксонской Британии (V–XI вв.). В него входили свободные землевладельцы,

– Да боже ты мой! – протестовала я. – Я еще могу понять школьника, которому нравится маршировать туда-сюда. Но ведь твое дело – лечить!

– Я лечу людей, – отвечал он. – Марсиан я бы уничтожил. И, как ты помнишь, Джули, у Хай-Барнета именно револьвер твоего брата спас нас от негодяев, которые хотели отнять у вас коляску. Револьвер и навыки бокса, которые я еще не растерял со школьных времен, а не мои врожденные способности к медицине и даже не твоя сила духа. Бывают времена, когда человек должен сражаться...

Что ж, если моя роль сводилась к тому, чтобы быть свидетельницей этого мнимого величия, меня это не устраивало. И к тому же – как ни трудно писать об этом напрямую – между нами было важное различие: я никогда не хотела детей. Только не после ужасов Марсианской войны. О каких бы душевных муках Уолтера вы ни читали в его Летописи, знайте: на мое сознание те ужасные события возымели такой же эффект. На многих выживших война повлияла похожим образом – Эрик Иден, например, так и не женился. Впрочем, это затронуло далеко не всех – напротив, после войны в Британии резко повысилась рождаемость.

Думаю, Фрэнк всё понимал, но не разделял мое нежелание иметь детей. После нашего развода он вновь женился, у него появился ребенок, и в целом я была за него рада. Но его присутствие все же не способствовало моему душевному покою, особенно здесь, среди осколков нашего злосчастного прошлого, – и рискну предположить, что Фрэнк чувствовал то же самое.

Итак, мы собрались у Марины, которая щедро обеспечила нас чаем и канапе. Нас было шестеро: я, Кэролайн, Филип Паррис, Фрэнк, Эрик Иден и Берт Кук. Это была яркая сцена: наши лица сияли словно луны в лучах приглушенного света единственной электрической лампы – в обсерватории яркого света не бывает. Я помню запах масла, мебельного лака и металлических шестеренок; наши тихие голоса эхом отражались от купола. Само здание представляло собой приземистую башню с полукруглой крышей. Телескоп стоял на каменном столпе, рядом с механизмом, который позволял ему двигаться вслед за объектами; сквозь крышу был виден синий лоскут неба. В угловатой тени телескопа было что-то зловеще-марсианское – к нему не хотелось поворачиваться спиной. В обсерватории было довольно холодно. Я чувствовала, как внутри меня растет напряжение, которое ни на миг не отпускало меня с тех самых пор, как Уолтер достучался до меня в Нью-Йорке.

Мы все вздрогнули от неожиданности, когда наконец раздался звонок.

9. Звонок из Германии

У Берта Кука были кое-какие технические навыки, и из подручных материалов – всевозможных инструментов, найденных в обсерватории, и остатков сломанного «мегафона Марвина» – он наспех соорудил небольшой репродуктор, так что мы все слышали слабый голос Уолтера, дошедший до нас по проводам из Германии. Хотя Уолтер хотел в первую очередь поговорить с Филипом, тот, в очередной раз проявив благородство, решительно передал трубку его бывшей жене.

– Уолтер, это я, Кэролайн, – сказала она уверенным голосом. – Я здесь в полной безопасности – как и все мы.

– Кэролайн? Я...

– Что происходит, Уолтер? И где ты, ради всего святого?

– Я в Берлине – когда я звонил Джули в Нью-Йорк, я был в Вене, но теперь уже не там. Ввиду чрезвычайной ситуации они выпустили меня из психушки и переправили сюда.

Я спросила, стараясь говорить погромче:

– Какой чрезвычайной ситуации? И что за «они»?

– Джули! Спасибо, что ты приехала. «Они» – это весь цвет Академии наук, ученые со всей Германии, а может, и со всей Европы. Сейчас они находятся в хорошо оборудованном бункере под теннисным кортом, и могу тебя заверить, что многие из сильных мира сего сейчас находятся в похожих бункерах, разбросанных по всей планете: кайзер, императоры Китая и Японии; конечно, американский президент, а наш король Георг со своей семьей, думаю, сейчас где-то глубоко под Балморалом. Что касается тех, кто собрался здесь, – можете называть всё это «мозговым трестом». Меня же втянули в это благодаря Летописи, и мне кажется, что для них я своего рода комик. Бастер Китон марсианских исследований! Здесь Эйнштейн, Шварцшильд и Резерфорд – специалисты в тех или иных областях, связанных с атомом и его энергией. Гофман и Циолковский – они изучают и предсказывают траектории небесных тел. Тут даже есть тот тип – забыл, как его зовут, – который однажды написал шутовскую, но провокационную статью о будущем человечества и случайно угадал, какими окажутся марсиане. «Человек тысячного года» – как-то так она называлась. Возможно, я рассказывал о нем раньше. Он уже не молод – примерно моего возраста. Чудной малый, чересчур темпераментный, зато так и фонтанирует идеями. А астрономы по своим каналам связи всюю обмениваются данными наблюдений из Хейла в Висконсине и Ликской обсерватории в Калифорнии, и обсерватории Ниццы во Франции – хотя она сейчас подконтрольна немцам. Все эти данные собирает и упорядочивает команда Лоуэлла во Флагстаффе; как жаль, что он сам этого не застал! Даже Ватиканская обсерватория в Кастель-Гандольфо присоединилась...

Филип взял трубку и резко сказал:

– Давай к делу, Уолтер. Какие данные? О чем ты говоришь? За чем они все наблюдают?

У меня еще сильнее засосало под ложечкой – и по лицам остальных я поняла, что они чувствуют то же самое.

Но Уолтер назвал планету, имя которой никто из нас не ожидал услышать: Юпитер.

Мы в смятении переглянулись. Юпитер!

– Уолтер, черт побери! – рявкнул Филип. – Что не так с Юпитером?

– На его облачной поверхности заметили некий знак.

– Знак?

– Светящуюся причудливую метку. Она целиком умещается в той области, которую мы называем Большим красным пятном, и ее даже можно легко разглядеть с Земли. Дайсон из

Англии заявляет, что видел такие же знаки на крупных лунах Юпитера, но другие астрономы ставят это под сомнение.

– Знак? – спросил Эрик Иден. – Вроде тех меток, которые через несколько лет после войны можно было наблюдать на Марсе и Венере?

– Именно так, – подтвердил Уолтер. – Лессинг провел наблюдения, результаты которых были признаны неоспоримыми, и сказал мне...

– Насколько я помню, знаки на Марсе и Венере были идентичны и различались только размерами.

– Да, конечно. Их оставили одни и те же существа.

– Марсиане?

– Ну само собой, марсиане! А вот оставить на Земле такой знак, указывающий на то, что планета им принадлежит, они не успели – хотя начало было положено.

– Знак? На Земле? Никогда о таком не слышал, – сказал обескураженный Эрик. (Я тоже была сбита с толку – речь тем временем шла о расположении воронок, оставленных марсианскими цилиндрами; об этом я, как уже говорила, узнала позже.)

– А знак на Юпитере? – продолжил Эрик.

– Он выглядит совсем иначе – на Юпитере мы обнаружили почти идеальный круг...

– Да бога ради, Уолтер, – вмешался Фрэнк, – ты когда-нибудь перейдешь к делу? Какое отношение все это имеет к нам и к твоему берлинскому «мозговому тресту»?

– Самое непосредственное, – сказал Берт Кук. – Он старается дать нам полную картину. Так ведь, Уолтер?

– Берт Кук? – спросил Уолтер. – Так странно вновь слышать ваш голос!

– Как ваши успехи в покере?

– А ваши в шахматах? Впрочем, вы правы. Я действительно хочу дать вам полную картину происходящего. Контекст, в котором мы проживаем свои жалкие жизни. Потому что, видите ли, если небулярная гипотеза верна, то миграция между мирами – необходимое условие для выживания...

Как наверняка известно большинству читателей, небулярная гипотеза Канта, Лапласа и Максвелла показывает, что чем дальше мир от солнца, тем он старше, и, соответственно, тем древнее населяющие его живые существа. Но каждая зародившаяся жизнь сталкивается со множеством испытаний. Наши лучшие физики утверждают, что солнце остывает из года в год. Именно поэтому марсиан влекла Земля: на их планете начинался бесконечный ледниковый период. Однажды наш мир постигнет та же участь: океаны замерзнут, дожди прекратятся, высшие формы жизни вымрут, а низшие съедутся до состояния покоящихся спор. Куда же податься человечеству? Зрелая, но обреченная цивилизация обязана стремиться в более молодые миры в поисках места обитания. Так диктует космология, таковы законы Вселенной.

– Именно поэтому, – сказал Уолтер, – марсиане должны вернуться на нашу планету, более юную, чем их родина. Они замахнулись и на Венеру – в далеком будущем она станет желанным призом в том числе и для нас. Кроме Венеры, остается только Меркурий – он моложе, но, по сути, это безжизненная горстка углей. Да, Венера – конечная цель.

– Но...

– Но на дальних рубежах находится Юпитер. Это самая крупная планета из всех, и она в семь раз старше Марса. И юпитериане наблюдают за нами. Их знак это подтверждает! Он явно был изображен в Красном пятне в ответ на марсианские вторжения на Землю и Венеру. Эта древняя колоссальная планета может быть домом...

Фрэнк выхватил трубку.

– К дьяволу Юпитер, Хаббла и все остальное! Ты бы не собрал нас всех, не заставил плыть сюда через чертов океан, просто чтобы поговорить про Юпитер! И король Англии не залез бы из-за него под землю. Что ты на самом деле хочешь нам сказать? Отвечай!

Но Уолтер в своей обычной манере все колебался, словно собираясь с мыслями.

В конце концов он тихо сказал:

– Мы видели выстрелы. Выстрелы на Марсе.

И наконец все стало ясно.

Так уж был устроен Уолтер. Если вы читали его Летопись, вы знаете, что он не ищет легких путей. Во время Первой войны он покинул руины Уокинга и отправился в Лезерхэд на поиски жены – а оказался на Примроуз-хилл, там, где была самая высокая концентрация марсиан во всей Англии. Так и на этот раз: все это масштабное предприятие с передачей сообщений через вторые руки и трансатлантическими плаваниями свелось к тому, что нам снова грозили марсиане.

Узел у меня в груди развязался – как если бы мне наконец объявили мрачный, но ожидаемый диагноз. Я снова вспомнила, как мне показалось, будто одинокая боевая машина на Примроуз-хилле шевельнула колпаком, словно в предвкушении. Меня это обеспокоило – я думала, что у меня начались галлюцинации. Но, может быть, машина обо всем узнала – с помощью какой-нибудь механической телепатии...

Филип был в ярости – и неудивительно.

– Уолтер, у тебя такие новости, а ты разглагольствовал про Юпитер! Когда? Когда начались выстрелы? 27 февраля? Потому что, если они следуют тому же графику, что и в прошлый раз, им стоило бы выстрелить именно тогда – противостояние случится 21 апреля...

– И если это так, значит, правительство это замалчивает, – зло проворчал Кук.

– Нет, – мягко сказал Уолтер. – Раньше. В этот раз у них явно другая стратегия, хотя мы ее пока не разгадали. Из пушек начали стрелять на девять дней раньше, 18 февраля.

Фрэнк к этому моменту разъярился так же, как его кузен.

– Теперь ты говоришь, что они начали стрелять в феврале! Тогда получается, что высадка уже совсем скоро – осталось всего несколько дней, так? И ты предупреждаешь нас только сейчас да еще устраиваешь этот фарс с трансатлантическими переговорами?

– Я прошу прощения, – еще тише сказал Уолтер. – Вы должны понимать, что у меня обрывочные сведения, собранные по крупицам. Здесь очень пекутся о безопасности, и мне было трудно с вами связаться, – а потом потребовалось время, чтобы вы собрались вместе. Да, возможно, мой план не выдерживает никакой критики. Но я старался как мог, Фрэнк, чтобы предупредить вас. Старался как мог.

Как ни странно, я ему поверила.

И тут Кук – артиллерист – обратил внимание на ключевую деталь.

– Дженкинс, вы сказали «из пушек». Начали стрелять из пушек. Не «из пушки».

– Именно так. На этот раз их больше, Берт. На Марсе несколько пушек.

Мы, ветераны Первой войны, в ужасе переглянулись.

Уолтер продолжил – слабым и дрожащим, но решительным голосом:

– Думаю, мы видели, как отливают новые пушки, – так же как в прошлый раз мы, как выяснилось позже, видели отливку пушки в 1894 году, когда астрономы в Ницце и Ликской обсерватории заметили аномальное свечение на поверхности Марса. В тот раз у них была одна пушка. Сейчас их десять. По крайней мере столько палило на наших глазах. Они расположены вдоль всего экватора. Дым, образовавшийся в результате выстрелов, – огромный синяк, расплывшийся по лицу планеты, – затруднил дальнейшее наблюдение. Тем не менее нам удалось нанести расположение пушек на схему каналов, созданную Скиапарелли. Возможно, вы знаете, что каналы – колоссальные сооружения, некоторые из них тянутся на тысячи миль. И они сходятся по три, четыре или пять, с геометрической точностью, в «узлы», как их называет Лоуэлл, или «оазисы». Самый крупный из них – Solis Lacus, озеро Солнца, что-то вроде нервного цен-

тра всей планеты, откуда, я полагаю, можно добраться в любую точку. Но есть и другие – перекресток Харона, Керавнский залив, Кианейский родник...

Филип как промышленник заметил:

– Эти пересечения транспортных артерий могут быть населенными пунктами или центрами производства. А если вам нужно построить межпланетную пушку...

Кук кивнул:

– Вы сделаете это именно там. Верно. Десять пушек вместо одной. В последний раз выстрелов было десять...

– На этот раз их было сто, Берт. По десять из каждой пушки. В тот раз – флотилия, теперь – настоящий флот. Или, скорее, два флота; кажется, они разделяются в космосе на две группы по пятьдесят или около того...

– погодите, – сказала я. – А что насчет противостояния? Зачем лететь сейчас, за четыре года до следующего сближения?

Признаю – в моем голосе звучала обида. Как и все люди в те дни, я всматривалась в небо во время каждого противостояния с Марсом, даже если он отстоял далеко от Земли. Но я знала, что до следующей возможной атаки еще несколько лет. Только не сейчас! Это нечестно! Такой была моя реакция – не самая разумная.

Зато Уолтер был само благоразумие – в своем роде.

– В прошлый раз они прилетали в 1907 году, за два года до максимального сближения. Возможно, они задумывали еще одну попытку в 1909-м и даже после, но отказались от этой идеи. Нельзя точно сказать, что они не усовершенствовали свои технологии, чтобы совершать высадки и в менее привлекательных условиях, – почему нет?

– Я бы сказал, что, с военной точки зрения, новое вторжение не очень осмысленно, – заметил Эрик. – В конце концов, первая попытка окончилась провалом. Марсиане не смогли выдержать непривычное атмосферное давление, непривычную гравитацию, наши бактерии уничтожили их – вместе с их красной травой. Это с самого начала было безнадежное предприятие.

– Но это была всего лишь разведывательная миссия, – прошептал Уолтер. – Надо же с чего-то начинать. Когда Колумб приплыл в Америку, он думал, что это Азия! Представьте, как трудно наблюдать за Землей. По отношению к Марсу это внутренняя планета, как и Венера для Земли, – то есть расположенная ближе к Солнцу. Перед тем как запускать первый цилиндр, они наверняка почти ничего не знали о нашей планете. Но что-то все-таки знали. Помните, с какой частотой палила та огромная пушка? Всего было десять выстрелов, каждый сделан в полночь по Гринвичскому времени, и каждый цилиндр тоже приземлился в полночь. Но сутки на Марсе длиннее, чем на Земле – они продолжаются примерно двадцать четыре с половиной часа, – и по местному времени цилиндры запускались не в полночь. Так что расписание – из символических или каких-то других соображений – было тщательно рассчитано не с учетом марсианского времени...

– ...а с учетом земного, – подхватил Иден. – Даже расписание запусков! Никогда об этом не задумывался.

– Никто не задумывался – до меня. Что до всего остального – подумайте, насколько сильно отличается наша Земля от их мира, как много они должны были узнать – и как быстро! Их моря очень мелкие и покрывают едва ли треть планеты; наши глубокие океаны занимают в два раза больше места. Поэтому наши основные транспортные пути пролегают по морям, а на Марсе – наверняка проходят по суше.

– Тогда неудивительно, что их повергли в смятение наши корабли, – сказал Фрэнк. – Близ Тиллингхема я видел, как они дивились таранному миноносцу. А что до наших бактерий и вирусов? Очевидно, они тоже были им в новинку.

– Еще один пробел в их знаниях, да. Я предполагаю, что в далеком прошлом они уничтожили целые микроскопические континенты таких созданий – возможно, пока перестраивали собственные тела. Так что они попросту забыли о подобной опасности – так, например, образованный римлянин удивился бы, если бы на городской улице в Италии второго века на него накинута волк. Но они на собственном горьком опыте усвоили урок – и в следующий раз подготовятся.

Кук подался вперед.

– Но ведь тут встает вопрос информирования. Вопрос связи и коммуникации. Любой солдат об этом знает. Все марсиане, которые прилетели сюда, мертвы. Как они в таком случае могли передать обратно на Марс сведения о боевых кораблях и микробах?

– Я пояснял это в своих мемуарах, – напряженно ответил Уолтер. – Я наблюдал за жизнью марсиан ближе, чем кто-либо, – да, я по-прежнему настаиваю на этом, майор Иден! И я до сих пор убежден: их способность действовать совместно, не обмениваясь ни единым словом – а я видел это своими глазами, – свидетельствует о своего рода телепатии. О прямой связи между сознаниями. Разве это не логично? Марсиане отказались от своих тел, оставив чистый разум. И если один марсианин мог мысленно переговариваться с другим через яму в Англии...

Кук потер подбородок.

– ...то почему бы им не переговариваться через космическое пространство?

Филип, который по праву считался самым здравомыслящим среди нас, расхохотался.

– Бросьте, это все выдумки.

– Мысль о войнах с Марса тоже когда-то казалась выдумкой, – с сожалением сказал Уолтер.

– Но если это так, – поинтересовался Эрик, – зачем тогда нужны знаки, метки на поверхности планет?

– Не вижу никаких противоречий, – сказал Кук. – Военные суда по-прежнему ходят под флагами, хотя моряки теперь переговариваются по радио, а не машут флажками, как во времена Нельсона.

– Или, может быть, – сказал Эрик с неуверенной усмешкой, – это знак для юпитериан. Который сообщает им: держитесь подальше!

– Или наоборот, – прошептал Уолтер. – О чем я и пытаюсь сказать...

Во время рассуждений о марсианской телепатии и прочих экзотических вещах я то и дело поглядывала на Кэролайн, бывшую жену Уолтера, к которой так никто и не обратился с самого начала разговора. Она сидела ссутулившись, и на лице ее застыла безжизненная маска – выражающая скорее не горечь, а смирение.

– Что ж, – сказал Кук, – по крайней мере, на этот раз мы будем готовы – если успеем вооружиться до того, как они вылезут из своих цилиндров, и сможем предсказать место их падения.

– Но не факт, что они будут приземляться в какой-то четкой последовательности, – сказал Уолтер. – Хотя их будут сдерживать требования геометрии.

Это его замечание, касающееся знаков, тогда меня озадачило – но в итоге выяснилось, что оно и есть ключ ко всему, о чем я напишу позднее.

– Однако мы знаем, – продолжил Уолтер, – что даже в прошлый раз цилиндры не просто так падали с неба. Они должны были замедлить ход, чтобы не разбиться о землю, как происходит с многими метеоритами. Многие очевидцы говорят, что падение сопровождалось зелеными вспышками, – я сам это видел. Циолковский и прочие полагают, что в цилиндры был встроен некий двигатель, возможно реактивный, который снижал их скорость и задавал нужную траекторию.

– Скверно, если так, – тихо сказал Кук. – Значит, даже зная даты запуска, мы все равно ничего не можем предсказать. Они могут приземлиться где угодно и когда угодно.

– Именно так, – подтвердил Уолтер. – И хотя они выпускали по десять цилиндров за ночь, ничто не мешает им объединиться по пути. Нам остается только ждать. Сейчас существует сеть телескопов, наблюдающих за небом – в обстановке строжайшей секретности. В лучшем случае мы узнаем обо всем за несколько часов. – Он вздохнул. – Но для меня их цель очевидна, и я изложил свою идею властям максимально убедительно. Марсиане должны вернуться в Англию.

Мы встретили эту мрачную, но до странности правдоподобную весть в гробовой тишине. Я думала, что была к этому готова, – я ведь видела марсианина на Примроуз-хилл! Но даже я была в шоке.

Эрик сказал:

– Уолтер, я не подвергаю сомнению ваши рассуждения, но все равно вас не понимаю. Как я понял из ваших объяснений, в прошлый раз они прилетели в Британию, потому что Лондон – крупнейший город, видимый с Марса. И, как вы предположили, если марсиане считали нас единой цивилизацией – каковой, возможно, являются они сами, – для них было логично явиться в столицу мира и таким образом обезглавить все человечество. Ладно. Они ведь могут приземлиться где угодно. Но почему опять в Англии?

– Из-за того, что я видел в Шеппертоне. Я думал, Берг, вы тоже это видели. Когда пушки Марвина сбили боевую машину и сражение было окончено, остальные марсиане вернулись за ней и унесли ее обратно в Хорселл, в яму. Знаете, очень просто рассуждать о марсианах как о злобных существах, лишенных всяких представлений о морали. Но мы не должны оценивать их мораль по тому, как они ведут себя с нами, потому что для них мы просто вредители – или в лучшем случае скот. Но мы должны оценивать их по тому, как они ведут себя друг с другом. Они общаются, они сотрудничают – и возвращаются друг за другом. Вот поэтому они и вернутся в Англию. За своими павшими.

Я с содроганием подумала о заспиртованном марсианине, который был выставлен в холле Музея естественной истории в Кенсингтоне.

Наконец Филип сказал:

– Так вот зачем ты нам позвонил.

– Я осознаю, что некоторые из вас – например, Джули – приехали сюда из мест, где они были бы в относительной безопасности.

– Ничего страшного. Вы правильно поступили, Уолтер, – сказала я так твердо, как только могла. В голове у меня уже складывался план. Я собиралась позвонить своей невестке, с которой я в прошлый раз бежала от марсиан...

Эрик взглянул на Кука.

– Думаю, я отправлюсь в свой старый полк, в Инкерманские казармы. А вы, Берг?

Кук сощурился.

– Знаете, если марсиане снова явятся, я-то в курсе, где я буду.

– А я переправлю жену и сына в безопасное место – спасибо за предупреждение, Уолтер, – сказал Фрэнк. – Но что до меня – если марсиане все-таки прилетят, меня призовет долг. Как врача и как солдата Фирда.

– Ну конечно, призовет, – сухо отозвалась я.

Уолтер прошептал:

– И... Кэролайн?

Она подняла голову.

– Что, ты обо мне вспомнил?

– Я всегда о тебе помню. Ты ведь знаешь... тогда, раньше, я думал, что ты пропала...

– Послушай, Уолтер...

– Филип?

– Я здесь, – отозвался тот.

– Я прошу тебя позаботиться о ней, как и в тот раз...

– Какой же ты идиот, Уолтер! – Кэролайн перехватила телефон и крикнула в него: – Чертов идиот!

И с размаху бросила трубку.

Марина Оджилви взяла ее за руку.

Филип покачал головой.

– Ты права, он идиот. И вечно говорит обиняками. И таким он был всегда. Но вот что мне интересно: быть может, на самом деле он сказал все это – не считая невнятицы про Юпитер – затем, чтобы помочь тебе?

Я осторожно добавила:

– Он любит тебя. И всегда любил.

– Я знаю, – холодно сказала Кэролайн. – Я читала об этом в его книге.

10. В Стэнмуре и Лондоне

Ночевать мы все остались в Оттершоу.

Рано утром, перед рассветом, Марине еще раз позвонил Уолтер, и она нас разбудила. Уолтер смог назвать предполагаемую дату приземления. Оно должно было случиться в полночь по Гринвичу, в ночь на понедельник, 29 марта. Интервал между запуском и посадкой был таким же, как в 1907 году. Однако официально о нашествии до сих пор не объявляли.

Значит, в понедельник. Встреча в Оттершоу произошла в четверг. Времени оставалось в обрез. Утром пятницы, позавтракав и спешно попрощавшись друг с другом, мы разъехались кто куда.

Этим утром я в первую очередь хотела заехать в Стэнмур, где жила моя невестка. После того как ее муж, мой брат Джордж, на которого она во всем полагалась, погиб в 1907 году, Элис, и так не особенно сильная духом, стала отрешенной и рассеянной; она полностью зависела от друзей и родственников, с которыми заводила дурацкие разговоры, то и дело вставляя фразы в духе «если бы мой милый Джордж был здесь...» Может, в этом и нет ничего хорошего, но мое бегство в Америку было отчасти обусловлено тем, что я хотела избавиться от ее навязчивого общества. Элис была всего на пять лет старше меня, но о ней приходилось заботиться словно о полоумной тетушке. Однако я несколько раз возвращалась, чтобы помочь Элис справиться с настоящими трудностями вроде болезней. И – надо признать – были времена, когда и она поддерживала меня.

Фрэнк одобрил мой план: он не раз видел, как тяжело Элис переживает удары судьбы – начиная со дня нашей встречи, когда мы бежали из Лондона во время Первой войны. Однако он был рад, что именно я возьму на себя эту ношу.

Сам Фрэнк до сих пор жил в нашем бывшем доме в Хайгейте, к северу от Лондона. Теперь он стал домом для его второй жены и сына, и там же Фрэнк вел прием, выкупив мою долю. Сейчас он собирался поехать домой и предложил подвезти меня до Стэнмура – для него это был не слишком большой крюк. Я согласилась, хотя мы долго пререкались, прежде чем я убедила его принять половину платы за бензин. Это был шуточный спор, но в нем сквозило легкое раздражение; думаю, впрочем, после развода – даже самого мирного – это лучшее, на что можно рассчитывать.

Итак, мы попрощались с Оттершоу и друзьями. Филип, кузен Фрэнка, поехал к семье, которая, после того как их дом в Лезерхэде был разрушен во время войны, обосновалась на южном берегу. Берт Кук и Эрик Иден попросили, чтобы их подвезли на вокзал, – они собирались уехать на поезде в Лондон и поискать их полки. Хотя они оба уже не состояли на службе, но были уверены, что в свете чрезвычайного положения их примут обратно. А Лондон, как выразился Кук, вскоре должен был стать «одним большим распределительным пунктом» оружия и солдат – готовых к отправке туда, куда марсиане в конечном счете решат приземлиться.

Что до Марины Оджилви, она решила остаться в Оттершоу, в нескольких милях от Хорселлской ямы, куда в прошлый раз приземлился первый цилиндр захватчиков. Она объяснила это тем, что «молния не бьет дважды в одно место». Позже, встретившись с ней снова, я убедилась, что она была права.

Итак, мы с Фрэнком сели в машину и поехали на север.

Мы решили не ехать напрямую, поскольку эта дорога пролегла через Коридор и сулила сложности, и отправились круглым путем. Мы поехали на запад к Бэгшоту и пересекли реку в Виндзоре. Я помню, как мы ехали через городки и села и люди спешили по своим обычным делам. За окном проносились привычные картины, пусть даже на глаза попадалось больше

флагов и солдат в форме, чем в былые времена. Виндзор с его королевским замком прямо-таки ошетинился стражей.

Мы наскоро перекусили в трактире под Слау. Мы сидели рядом со стайкой молодых мамочек и с группой работяг, которые обсуждали грядущий четвертьфинал Кубка Англии между командами морпехов и саперов. Рядом несколько одиночек потягивали пиво и листали «Дейли мейл». День был светлым и купался в солнечных лучах, льющихся с чистого безоблачного неба. Фрэнк сказал, что солнце давно не пригревало и нам повезло.

– Повезло!

Фрэнк выдавил улыбку:

– Жутковато быть одним из немногих во всей Англии, кто знает правду.

Мне показалось, он вздрогнул.

Я накрыла его руку своей.

– Однажды мы уже прошли через это. Пройдем и еще раз.

Он кивнул и неловко высвободил руку.

Прежде чем мы ушли из трактира, Фрэнк еще раз позвонил домой – утром он говорил с женой и передал ей загадочное предупреждение. На этот раз ответила служанка: она сказала, что жена с сыном уже уехали на втором автомобиле.

– Отправились в наш прибрежный коттедж в Корнуолле, – передал мне Фрэнк. – Мы приобрели его в первую очередь как возможное убежище на случай... на такой случай, как сейчас. Он достаточно близко к Фалмуту – это будет кстати, если понадобится бежать из страны морем, как в прошлый раз.

– Ты должен быть с ними, – твердо сказала я.

Он покачал головой.

– У меня есть долг. Когда я подвезу тебя в Стэнмур, я поеду в Хайгейт и запру дом. У служанки есть сестра в Уэльсе; я посажу ее на поезд, прежде чем начнется массовый исход из Лондона – а мы оба понимаем, что он начнется, когда Марвин сделает объявление. После этого вечером я отправлюсь в Блумсбери, – он имел в виду квартиру на Гоуэр-стрит, которую снимал, когда был студентом. Потом он купил из ностальгических соображений, чтобы она служила пристанищем, когда нужно будет остановиться в городе. Это была всего лишь мансарда. – Оттуда я дойду до казарм на Олбэни-стрит.

– И мне никак не удастся воззвать к твоему разуму, верно?

Он усмехнулся.

– Ты журналист. Разве я поверю, что, пристроив невестку, ты спрячешься в укрытие, в то время как вокруг тебя будет разворачиваться главное событие века?

– Похоже, мы оба дураки. Или наоборот.

– Так выпьем за это, – сказал он и поднял кружку с пивом.

Мы добрались до Стэнмура без приключений, и Фрэнк меня высадил.

У меня был ключ от дома. Невестки не было на месте: по словам соседей, она отправилась «на воды» в Бакстон вместе с какой-то пожилой единомышленницей, так что я надеялась, что она в безопасности, – коль скоро все полагали, что события развернутся в Лондоне. Впрочем, она собиралась вернуться домой «через каких-нибудь несколько дней». Что ж, сейчас я ничего не могла для нее сделать.

Вечер пятницы я провела в доме невестки в Стэнмуре, лихорадочно размышляя, что делать дальше. Я могла отправиться в Лондон, в эпицентр минувшей войны. А могла спастись бегством – возможно, у меня даже получилось бы вернуться в Америку.

И пока я сомневалась, на следующий день, в районе обеда, нация наконец узнала – благодаря экстренным выпускам газет, плакатам и объявлениям, фургонам с громкоговорителями и самому Марвину, чей голос доносился из беспроводных приемников конструкции Маркони, –

о том, что были замечены новые марсианские летательные аппараты и они направляются в центральную Англию. В стране немедленно ввели чрезвычайное положение; была объявлена мобилизация регулярной армии, резерва, Фирда и так далее.

Новость сопровождалась ревущей музыкой Элгара. Даже для привилегированного меньшинства, к которому относилась и я, – для тех, кто заранее был предупрежден о новом вторжении, – это сухо высказанное подтверждение стало тяжелым ударом.

Теперь мне было ясно, что делать. Раз я журналист, мне надо быть в центре событий – в Лондоне. Я спешно собрала вещи, надеясь, что успею сесть на поезд.

Перед уходом мне позвонил Фрэнк. Я хорошо помню его слова – потому что, хотя позже я узнала, что с ним приключилось, из его собственного рассказа и из подробного дневника, который он ухитрился вести, в следующие два года мне не суждено было с ним поговорить.

– О боже! – сказал он. – Мой брат был прав!

11. В Лондоне

Как я узнала позже, Фрэнк большую часть субботы провел в квартире на Гоуэр-стрит. К нему заходил только почтальон, который, как Фрэнк и предполагал, принес повестку, предписывающую на следующий день, в воскресенье, явиться на службу.

Утром Фрэнк сделал все необходимое – до того, как люди услышали новости и началось столпотворение. Он купил всевозможные мелочи, нужные любому солдату, даже медику вроде него: печенье, сухофрукты и фляжку для воды, носки, бинты, мазь от мозолей – и так далее. Фрэнк не курил, полагая эту привычку, вопреки расхожему мнению, губительной для здоровья, но позже жалел, что не купил сигареты: солдатам они служили валютой. Поскольку банки были еще открыты, он снял со счетов внушительную сумму. Также он приобрел толстую тетрадь, ручки, чернила и карандаши. Именно в этой тетради, купленной между делом за несколько пенни, он в последующие годы вел хронику событий, стараясь писать так мелко, как только возможно.

Когда он снова вышел на улицу, уже после объявления, он с удивлением обнаружил, что в магазинах успели ввести карточную систему.

В субботу днем невозможно было найти свободное такси или омнибус, и Фрэнк пешком прошелся по городу, который готовился к войне. На крупных вокзалах Чаринг-Кросс и Ватерлоо уже возвели баррикады с колючей проволокой, а к входам приставили солдат и полицию. Похоже, к поездам допускали лишь некоторых гражданских, и возле вокзалов то и дело случались сердитые перебранки и слезные сцены. Но за проволокой Фрэнк увидел огромные толпы солдат, которые ехали из одной части страны в другую. А на вокзале Виктория он заметил, как к станции подъезжает поезд, груженный гигантскими пушками. Лондон, как обычно, стал средоточием всего, распределительным пунктом для всей страны, как и предсказывал Альберт Кук.

Солдаты были повсюду.

Лондонские парки превратились во временные лагеря, автобазы и пастбища для лошадей. По улицам маршировали жизнерадостные солдаты; мальчишки свистели им вслед, девушки посылали воздушные поцелуи. Мимо Фрэнка прошло подразделение добровольческого резерва Королевского флота – они направлялись к океану, чтобы в его водах принять бой. А на ступенях собора Святого Павла, под куполом, на котором до сих пор был виден след от теплового луча, играл военный оркестр – и старший офицер, кажется полковник, выступал перед толпой с пламенной речью, обращая особое внимание на мужчин в штатском: «А вы к нам присоединитесь? А вы?»

В ту субботу Фрэнк не чувствовал ни подлинного страха, ни беспокойства. Скорее, им овладело возбуждение. В каком-то смысле, как он говорил позже, казалось, будто все ждали этого момента с самого 1907 года. По мнению Фрэнка, Марвин и его правительство могли считать это своим триумфом. Какими бы циничными ни были причины всеобщего оживления – годы милитаристских речей явно не прошли даром, – каким бы кратким и необоснованным оно ни оказалось, в такой момент лучше быть оптимистом и чувствовать решимость, а не страх.

Одна из первых записей в дневнике Фрэнка гласит, что он восхитился при виде открытых полицейских участков – в субботу! «Должно быть, ввели чрезвычайное положение», – заметил он.

К вечеру он достал свою форму. Фрэнк хоть и был обычным добровольцем Фирда, имел почетное звание капитана Медицинской службы сухопутных войск, но особенно этим не хвастался, даже я мало об этом знала. Но я знала, с какой гордостью он носит на своем темно-синем берете отполированную кокарду с посохом Асклепия.

По словам Фрэнка, он хорошо спал в ту ночь, несмотря на гомон снаружи. Вопреки официальным указаниям, уже начались стихийные незапланированные эвакуации. К тому же по городу разносился шум буйных празднеств – люди веселились в последнюю мирную ночь.

У меня нет причин не верить ему, хотя мне в лесной тиши Стэнмура не спалось.

12. Мобилизация

В шесть часов утра Фрэнка, как и других людей по всей стране в то воскресенье, разбудил оглушительный перезвон церковных колоколов. В Лондоне за этим последовали крики, свист и пронзительные сигналы громкоговорителей, установленных на фургонах.

Фрэнк приготовил завтрак еще накануне вечером, рассчитывая на ранний подъем. Радио он включать не стал, хотя и подозревал, что тем самым нарушает какой-то второстепенный указ. Он умылся, побрился, натянул форму, сапоги, шинель и синий берет, запихнул в рюкзак туалетные принадлежности, сунул в кобуру служебный револьвер, выключил газ и электричество, положил в карман документы и покинул квартиру.

Гоуэр-стрит переменилась.

Полицейские и военные были повсюду. Новые плакаты на стенах, фонарных столбах и патрульных фургонах объявляли о введении чрезвычайных мер: военного положения, комендантского часа, карточной системы, всевозможных ограничений на передвижение. Возле дома Фрэнка мальчик продавал газеты – очередной экстренный выпуск «Дейли мейл» с портретом Черчилля, военного министра, который закатывал рукава. Текст на первой полосе гласил:

ОНИ ОСМЕЛИЛИСЬ ВЕРНУТЬСЯ
МЫ ГОТОВЫ
У НАС ЕСТЬ ПЛАН
ИМ НЕ ПОБЕДИТЬ
ДАВАЙТЕ ВОЗЬМЕМСЯ ЗА ДЕЛО!

Фрэнк не стал покупать газету. Он не обращал особого внимания на пламенные призывы властей, которые, вероятно, сами уже обратились в бегство. Черчилль, возможно, был похвальным исключением – все-таки он был ветераном Первой войны.

Хотя повсюду сновали люди, гражданских автомобилей на дорогах было очень мало. Причина этого стала очевидна, когда Фрэнк подошел к собственной машине: на ее лобовом стекле он увидел уведомление о реквизиции и квитанцию, по которой автомобиль впоследствии можно было забрать. Фрэнк рассмеялся и положил квитанцию в карман. Эта бумажка прошла всю войну и уцелела – но Фрэнк никогда больше не видел своей машины и не получил ни пенни в качестве компенсации.

Впрочем, у него еще было время, а до Олбэни-стрит, где находился пункт сбора, можно было быстро идти пешком. На этот раз город не был охвачен паникой, как во время Первой войны, когда марсиане двинулись на столицу. В целом складывалось впечатление, что все люди, как и сам Фрэнк, знают, куда идти и что делать: у каждого была конкретная цель и Лондон не погрузился в хаос. Пока не погрузился.

Как и в начале Первой войны, Фрэнк сперва направился на Грейт-Ормонд-стрит, чтобы ненадолго зайти в церковь при приютской больнице – в конце концов, было воскресенье. Там оркестр мальчиков играл военные песни. Фрэнк знал, что многие из ребят, выросших в этом приюте, отправляются в армию, меняя одну казенную жизнь на другую, и задумался, сколько повзрослевших мальчиков этим утром готовятся дать отпор марсианам. В просторной церкви повсюду шла служба; объявление гласило, что она будет продолжаться весь день.

Оттуда Фрэнк без дальнейших проволочек зашагал прямо на Олбэни-стрит.

На этой широкой жилой улице с большими, наспех заколоченными домами он оказался в гуще растущей толпы. По словам Фрэнка, толча была как на футбольном матче – разве что вокруг были сплошь люди в форме либо прильнувшие к ним матери, дети и возлюбленные. В основном здесь собрались солдаты регулярной армии, но были и люди вроде Фрэнка – из

резерва или из Фирда. Некоторые носили килт – это были солдаты полков «Горцы Аргайла» и «Лондонские шотландцы». Фрэнк увидел и отряд гвардейцев, и даже роту морпехов в синих мундирах.

Но это была организованная толпа. Военные полицейские, вооруженные планшетами и карандашами, быстро заглядывали в повестку каждого вновь прибывшего и направляли его в нужный пункт. Или ее: в толпе было немало женщин в форме. Безрадостная моральная победа суфражисток!

В конце концов Фрэнка отправили к толпе медиков, которые собрались на перекрестке Олбэни-стрит и Альберт-роуд. Мужчины-офицеры носили такие же синие береты, как и он; женщины из Имперской службы военно-медицинских сестер были облачены в форменные накидки. Они присоединились к колонне, которая формировалась внутри Риджентс-парка. Необходимо было проследовать через парк на Бейкер-стрит, откуда их должны были отвезти «на место предполагаемого фронта», как выразился военный полицейский. Из этого Фрэнк заключил, что к настоящему моменту место падения цилиндров было рассчитано довольно точно.

Какая-то молодая женщина в накидке решительно подошла к Фрэнку:

– Вы, должно быть, капитан Дженкинс?

Тот приосанился.

– Я просто доброволец Фирда, а в этой роли чувствую себя самозванцем – но да, это я.

– Меня зовут Верити Блисс. Меня поставили ими руководить, – она указала на смущенных женщин, столпившихся позади нее. Верити было лет двадцать пять; у нее было умное лицо и коротко подстриженные каштановые волосы. – А тот парень, – она указала на полицейского, – говорит, что вы наш командир – по крайней мере, до тех пор, пока мы не сойдем с поезда, – она замялась. – Сэр, а вы знаете, куда едет этот поезд?

Фрэнк улыбнулся.

– Я даже не знал, что мы куда-то едем на поезде. Вы из ДМО, верно?

В состав ДМО – Добровольческого медицинского отряда – входили медсестры, которым не платили за работу; их набрали через военное министерство и Красный Крест.

– Именно так, сэр. Мы работали на военном заводе в Вулвиче. Мы записались добровольцами.

– Вы молодцы. Но знаете что... Я не привык к обращению «сэр». Как насчет того, чтобы называть друг друга Фрэнк и Верити, пока мы не сойдем с поезда?

Женщина улыбнулась в ответ, но сказала:

– Только не на глазах у полицейского, сэр.

Их колонна, собравшаяся за оградой парка, почти окончательно выстроилась. Старший офицер, возможно бригадный генерал – Фрэнк был слишком далеко, чтобы разглядеть его звание, но, судя по возрасту, он успел повоевать в Крыму и тем более на Первой марсианской войне, – взобрался на ящик и зычно провозгласил:

– Пришло ваше время, парни – и девушки! Я знаю, что в основном здесь солдаты из резерва и Фирда, но среди вас есть и гвардейцы, и это большая честь – сражаться бок о бок с такими людьми. А теперь поприветствуйте друг друга, как настоящие британцы – и счастливого пути!

И все, конечно, начали кричать и аплодировать.

А потом Фрэнк, Верити и остальные врачи и медсестры промаршировали через парк вместе с прочими солдатами. Теперь и вслед Фрэнку школьники махали флагами, а девушки посылали воздушные поцелуи. Фрэнку было тридцать восемь лет. То, что он своими глазами видел на войне, ужаснуло его. Как и большинство образованных британцев, теперь он со здоровым цинизмом относился к Марвину, бряцающему оружием, и к милитаризации общества. Но сейчас он чувствовал, что этот момент будет с гордостью вспоминать всю жизнь.

На станции «Бейкер-стрит» они включились в запутанную игру: надо было протиснуться сквозь выходы и турникеты, предназначенные для сравнительно небольшого потока клерков. В метро царил шум и гам – лязгали маневровые локомотивы, визжали свистки, тысячи взволнованных голосов галдели, словно чайки на птичьем базаре, но над всем этим царил дух порядка. Фрэнк говорил, что в какой-то мере четкое, эффективное устройство железных дорог, включая и метро, было лучшим проявлением нашей цивилизации. Во время первой атаки марсиан железные дороги продолжали работать даже после того, когда правительства как такового не стало, – и теперь они снова были важной частью национальной обороны.

Время шло, и Фрэнк уже успел порядком утомиться, когда они наконец погрузились в дополнительный пригородный метропоезд – тот не тронулся, пока не оказался набит битком.

Фрэнк и медсестры-добровольцы, которые сели одними из последних, оказались у самой двери и видели, как мимо проносились станции. Рядом с Фрэнком какой-то солдат распевал похабные песенки и аккомпанировал себе на губной гармошке, а из соседнего вагона временами доносились резкие звуки волынки. Общий настрой был весьма жизнерадостным, хотя в каждом отсеке стоял на страже полицейский.

Вскоре они миновали Хампстед и оказались за городом. Они ехали через Уэмбли и Харроу; поезд не останавливался на промежуточных станциях, но замедлял ход, и местные жители махали солдатам флагами, протягивали им еду, яблоки и даже открытки. Фрэнк смотрел, как из окон высовываются бойцы и стараются схватить бутылки с пивом. А еще дальше, за городом, он увидел марширующие колонны, гаубицы и полевые пушки, которые тянули за собой машины и лошади. Интересно, стали ли реквизируют лошадей у фермеров и трактирщиков, подумал он, – на прошлой войне потребовалось очень много лошадей.

Основной поток стремился к северо-востоку из Лондона, в направлении Мидлсекса и Бакингемшира. Это не осталось без внимания опытных солдат. В поезде звучали самые разнообразные разговоры, преимущественно лондонские.

– Я так себе кумеаю: кто-то знает, где они приземлятся на этот раз.

– Ага, какой-то астро... астро... астролог.

– В тот раз они шмякнулись в Суррее, так? Зуб даю, в этот раз попробуют что-то другое, – сказал пожилой мужчина со шрамом.

– Ну и что с того? Были бы тогда большие пушки – сбили бы их на раз-два, а в этот раз уж точно собьем, ежели подберемся.

– Все будет по-другому, вот увидишь. Раз спускаются в другом месте – значит, и все остальное сделают иначе. Разумно звучит, правда же? В тот раз они проиграли – и это послужило им уроком.

– Ха! Даже для наших такое не всегда становится уроком.

За этим последовал смех и непристойные шутки о промахах разных офицеров.

Но человек со шрамом не стал смеяться.

– Если они умные – значит, кой-чему научились. Вот на немцев посмотрите. В семидесятом году они размазали французов, в четырнадцатом наподдали им еще сильнее – и вот снова победили.

На это ни у кого ответа не нашлось.

13. На подходе к Аксбриджу

Поезд остановился в городке Икенхем, не доезжая конечной станции – Аксбриджа, и солдаты вышли.

Фрэнк и Верити во главе своего маленького отряда медиков и медсестер, как пастухи во главе стада, промаршировали по улицам Икенхема и вскоре вышли за его пределы. Вокруг звучали названия частей, прибывших со всех концов страны: четвертый батальон Королевского фузилерного полка, второй батальон Королевского Ливерпульского полка, первый Королевский Шропширский легкий пехотный полк. Там были и дивизионные части, специальные войска со своим снаряжением, артиллерийские батареи; были и саперы – Корпус королевских инженеров. Были также радиокомплекты и кабели для полевого телеграфа, бытовые приспособления вроде армейской хлебопекарни и более необычные предметы – например, секции для понтонных мостов и баллоны разведывательных аэростатов, которые тащили по дорогам лошади или грузовые машины, двигаясь в основном на юго-запад, по направлению к городу.

Верити коснулась руки Фрэнка и указала на солдат на мотоциклах, которые направлялись на запад.

- Разведчики, – сказала она.
- Едут туда, где, по их расчетам, разразится битва.
- Да, понимаю.

Она поехала, и Фрэнк подумал: она размышляет о том, что эти ребята, вероятно, падут первыми в любом бою – хотя перспектива боя до сих пор казалась нереальной.

Вскоре марширующая колонна распалась, и отряд Фрэнка отвели к полевым госпиталям – палаткам, разбитым в поле. Военный полицейский, который привел их туда, вкратце зачитал с листа распоряжения:

– Располагайтесь. Вам предоставили воду и масляные радиаторы – должны были предоставить. Палатки здесь, койки здесь, инструменты и все такое – вон там. Бинты и запас крови, карболка и хирургические пилы...

Как Фрэнк мог заметить, не все медики в отряде были опытными, и некоторые побледнели при этих словах, которые полицейский смаковал с каким-то извращенным удовольствием.

- Достаточно, капрал, мы поняли.
- Тогда приступайте к делу, – полицейский в последний момент вспомнил, что надо отсалютовать старшему офицеру, и хотел было развернуться и уйти.
- Погодите, – сказал Фрэнк. – И это все?
- О чем вы?
- Мы весь день на ногах.
- А я весь день хожу тут и ору на людей, сэр, и что-то не жалуясь.
- Мы ели всего раз...
- Полевые кухни там, – он указал в нужную сторону. – Сами определите, кто и когда будет дежурить. Уборная вон там.

Фрэнк снова огляделся: у него было противное чувство, будто он упускает что-то очевидное и сейчас выставит себя дураком.

- Да, но... где нам спать, капрал?
- Полицейский взглянул на него и ухмыльнулся.

– Сегодня вам поспать не удастся, капитан. Гром грянет в полночь. Вернее сказать, в полночь с Марса упадет нечто огромное и тяжеленное. После этого у нас будет окно в девятнадцать часов – а вот потом, думаю, мы все будем заслуживать мягкой койки.

В полночь, подумал Фрэнк. Значит, они прилетят в полночь, как и в прошлый раз, – как и предсказывал Фрэнк. Оглядывая юные встревоженные лица, которые его окружали –

многие из этих людей тогда были еще детьми, – он старался сдерживать собственное внезапное беспокойство. «Окно в девятнадцать часов». Что бы это могло значить?

День уже клонился к вечеру. Поняв, что из капрала больше ничего не вытянешь, Фрэнк быстро отправил Верити, юных медсестер и всех остальных устраивать госпиталь и разбирать инструменты – от всей души надеясь, что производит впечатление человека, знающего, о чем говорит. Затем он пошел искать «кого-нибудь, кто здесь главный», как позже написал в дневнике.

Он набрел на штаб или что-то вроде того: несколько старших офицеров, разложенные на столах карты, телефоны, радиоприемники и телеграфы – и кофеварка. Молодой офицер по фамилии Фэрфилд, подполковник, в конце концов сжалился над ним.

– Простите, доктор... капитан. Дело в том, что мы из кожи вон лезем, чтобы все организовать, а ваши медики-добровольцы не очень-то вписываются в командную структуру.

Подполковнику было под тридцать, лет на десять меньше, чем Фрэнку; у него было безупречное произношение, выдающее в нем выпускника частной школы, и казалось, что все происходящее доставляет ему какое-то мрачное удовольствие.

– Хотите кофе?

– Нет, спасибо, сэр.

– Я знаю, о чем вы думаете.

– Правда?

– Хорошо, что с неба не льет, раз уж мы торчим посреди поля, верно? Правда, скоро оттуда посыплются марсиане.

– Но где именно приземлится цилиндр, сэр? Я знаю, что их отслеживали в телескопы.

Фэрфилд приподнял бровь.

– Скорее уж не цилиндр, а цилиндры. Но тот, что нас интересует, судя по всему, грохнется посреди Аксбриджа, так что этому дрянному городишке не повезло. Жителей, к слову, уже эвакуировали, так что о них можете не беспокоиться. – Он взглянул вверх. – Ближе к посадке мы поднимем в воздух самолеты. Я слышал, будет даже цеппелин – кайзер оказал нам такую любезность. Возможно, так мы лучше поймем, что происходит. – Он пристально посмотрел на Фрэнка. – Честно говоря, я не знаю, насколько подробно вас проинструктировали.

– Считайте, вообще никак. Капрал...

– Что ж, обычное дело. Все, что вам необходимо знать, – это то, что уход за ранеными будет осуществляться по обычной схеме, и об этом уже позаботились. У нас будут медпункты на поле боя – то есть в том месте, где, предположительно, опустится цилиндр. Будут эвакуационные пункты, куда санитары смогут добежать с передовой, и санитарные машины, которые будут отвозить раненых в полевой госпиталь – то есть к вам. Как видите, вы вытянули счастливый билет, доктор: те, кто приехал раньше, медсестры-добровольцы и все остальные, уже на передовой.

Фрэнк кивнул.

– Спасибо. С этим все ясно. Капрал сказал еще кое-что. Про окно в девятнадцать часов...

– Он разговорчивый, наш капрал, правда? Мне говорили, что, когда упал самый первый цилиндр, рядом с Уокингом...

– На Хорселлской пустоши.

– ...именно столько времени ушло на то, чтобы марсиане развинтили свою посудину и высунули оттуда генераторы тепловых лучей и прочую пакость, и чтобы наружу вылезли эти боевые машины, расправили ноги и принялись за работу. Так что на этот раз у нас должна быть фора по времени – и тогда мы сможем обстрелять эту штуковину, пока марсиане еще беспомощны.

Его уверенный тон показался Фрэнку подозрительным.

– Если все пойдет так, как в прошлый раз...

– Конечно, я надеюсь, что мы покончим с этой штукой за два часа, а не за два десятка часов. Что еще вы хотели бы узнать, доктор? – вежливо спросил он.

– Вы говорите «цилиндры». Но раньше они падали по одному.

– А. Ну кое-что изменилось. Астрономы пришли к единому мнению на сей счет, пусть и довольно поздно. Что ж, не могу их в этом винить, – он повернулся к Фрэнку. – Их больше полусотни, и все летят в эту часть страны.

Больше полусотни. Фрэнк вспомнил, как брат говорил о пушках, разбросанных по Марсу, что стреляли ночь за ночью, и о целом флоте цилиндров, которые маневрировали в космосе. А теперь этот смертоносный рой преодолел межпланетное пространство и готовится приземлиться – прямо здесь. Все пятьдесят! И, со слов Уолтера, следом должны были прилететь еще пятьдесят...

Подполковник похлопал его по плечу.

– Как бы то ни было, нам стоит беспокоиться только об одном из них. – Он взглянул на часы. – А теперь, если у вас больше нет срочных вопросов...

– Спасибо, сэр.

– Возвращайтесь к работе, капитан Дженкинс.

После захода солнца началось томительное ожидание полуночи.

Отряд постарался обустроить полевой госпиталь наилучшим возможным образом, и Фрэнк с облегчением узнал, что с инструментами и лекарствами все в относительном порядке. Но как следует все проверить и перепроверить возможности не было.

Около семи часов он с благодарностью поддержал идею Верити немного потренироваться. Одни его подопечные изображали раненых, другие их принимали. Медсестры-добровольцы особенно охотно включились в процесс, хотя и действовали не слишком умело. Фрэнк знал, что на военных заводах случаются трагические происшествия, но, по его впечатлениям, большинство медсестер в реальности не сталкивались с тем, что им предстояло делать.

В девять он предложил всем, кто желает, вздремнуть на больничных койках. Некоторые легли, но не всем удалось заснуть.

В десять он велел своим людям поужинать, выпить кофе или воды. Одного из юных медиков он поймал с фляжкой спиртного, конфисковал ее и запер в сундук, обещая, что вернет «после боя», как выражались в лагере, – если только у кого-то из раненых не возникнет более сильной необходимости в недурном бренди.

В одиннадцать он велел всем по очереди сходить в уборную. И прошептал Верити:

– Все равно до утра кто-нибудь да намочит штаны, я уверен.

Когда приблизилась полночь, они укрылись за баррикадой из мешков с песком и стали смотреть на юго-запад, где горели огни опустевшего Аксбриджа. Они были в уставных стальных касках; на боку у обоих висели санитарные сумки. Небо было чище, чем в ночь на воскресенье, – лишь легкая дымка заслоняла звезды.

Им было не до обстоятельных разговоров. Верити, казалось, была слишком встревожена, чтобы говорить о себе. Фрэнк узнал, что у нее нет мужа и что она едва успела переехать из родительского дома в квартиру возле Вулвича, которую делила с несколькими другими девушками, когда пришла повестка. Он постарался отвлечь ее рассказами о себе. Верити, конечно, слышала об Уолтере.

– Мне тогда было всего двенадцать, – сказала она. – Мы гостили у родственников в Центральной Англии, когда из Лондона начали поступать новости. Отцу удалось раздобыть места на корабле, и мы уплыли из Ливерпуля в Ирландию. Так что я пропустила все действие. Но в книге, которую написал ваш брат, все предстает как живое. Я его однажды видела. Тогда как раз вышло иллюстрированное издание. Он пришел в «Фойлс» на Чаринг-Кросс-роуд побеседовать с читателями. Помню, ему не понравились иллюстрации. Он дал мне автограф.

– Ну еще бы, – проговорил Фрэнк, стиснув зубы.

– Капитан, вы ведь тоже видели, как он падает, правда? Цилиндр. В прошлый раз.

– Да. Шестой, который упал возле Уимблдона. Это тоже было в полночь.

Он взглянул на часы: было без пяти минут двенадцать.

– Как он выглядел?

– Цилиндр? Как падающая звезда, которая катится по небу. С зелеными огнями.

– С зелеными? Тогда, видимо, нам надо их высматривать, – она подняла маленький бинокль и уставилась в небо.

Некоторое время они сидели молча. Фрэнк очертил воображаемый круг вокруг Аксбриджа – маленького, покинутого людьми городка, где бессмысленно сияли электрические огни. По периметру этого круга сидели солдаты вроде них со всеми этими пушками, биноклями, полевыми госпиталями – и ждали, ждали. Невдалеке какой-то кокни пропел на мотив рождественского гимна: «Почему, почему-у-у же мы ждем?» Последовали смешки, затем кто-то тихо скомандовал замолчать.

– Капитан, полночь уже наступила. У моих часов светящийся циферблат... Прошло десять секунд. Уже пятнадцать. Я не вижу никаких зеленых огней...

Высоко в небе прямо над ними послышался треск, словно что-то взорвалось. Затем сверху упал какой-то предмет, прочертив в воздухе ослепительно сияющую полосу – не зеленую, а белую. Предмет вонзился в темную землю.

– Ложись!

Действуя на уровне инстинкта, Фрэнк упал ничком, схватил Верити за шею и пригнул ее голову к земле.

Затем их накрыло взрывной волной.

14. Прибытие первой волны

Позже я узнала, что астрономам все же удалось кое-что вычислить – по крайней мере, количество снарядов и приблизительное место их падения. Однако никто не предвидел, каким именно будет это падение.

Все пятьдесят два цилиндра приземлились этой ночью в Центральной Англии. Циолковский и его коллеги позже высчитали, сопоставив это с нашествием 1907 года, что марсиане должны были запустить пять флотилий, по десять или больше снарядов в каждой: первый запуск был произведен 18 февраля, следующие – 20, 22, 24 и 26 февраля.

(Что касается цилиндров, которые упали в следующую ночь и в тот момент еще летели к Земле, – их запускали в промежутках между этими залпами, с 19 по 27 февраля.)

По предположению Циолковского, марсиане во время своего межпланетного полета корректировали траекторию при помощи двигателей. Это позволило первым снарядам замедлить ход и дожидаться отстающих, так что в конце все цилиндры первой волны упали одновременно – по крайней мере, с точки зрения военных, которые наблюдали за их падением. Это случилось в полночь на понедельник, 29 марта. А последний цилиндр, который был выпущен 26 февраля и, в отличие от остальных, не был вынужден никого дожидаться, приземлился через четыре недели и четыре дня после залпа – как и цилиндры, выпущенные в 1907 году.

(А тем временем цилиндры второй волны еще готовились к вторжению где-то в космосе...)

Эти первые пятьдесят два цилиндра образовали огромное кольцо диаметром в двадцать миль, с центром в графстве Бакингемшир, в городке Амершеме. На юго-западе это кольцо доходило до Хай-Уикома, на северо-западе – до Уэндовера, на северо-востоке – до Хемел-Хемпстеда, а юго-восточный край пришелся как раз на Аксбридж, где располагалась часть Фрэнка. Расстояние между цилиндрами было чуть больше мили. На этот раз не было никаких зеленых огней, не было попыток замедлить ход космических кораблей – если, конечно, это были космические корабли, а не снаряды.

У первой волны явно не было цели доставить марсиан и их приборы на Землю нетронуемыми, как у хорселлского цилиндра и его братьев-близнецов во время Первой войны. Их единственной целью было разрушение.

Анализируя события 1907 года, Деннинг и прочие эксперты по метеоритам отметили, что марсиане, совершив относительно мягкую посадку, фактически отказались от стратегического преимущества – преимущества неба над землей. При этом свидетельство Уолтера, который наблюдал развалины Шина, пострадавшего при падении цилиндра во время Первой войны, дает весьма яркое представление о том, сколь разрушительной была даже такая относительно мягкая посадка. Барринджер тем временем изучил кратер «Каньон Дьявола» в Аризоне и предположил, что он мог появиться не вследствие парового взрыва или извержения вулкана, как считали прочие, а из-за того, что с неба упал железный метеорит диаметром в несколько десятков ярдов – то есть примерно такого же размера, что и марсианский цилиндр. От удара образовалась дыра в земле шириной в полмили и глубиной в двести ярдов. Исходя из этого, можно представить себе масштабы разрушений от такого падения. (К слову, один писатель – тот самый автор «Человека тысячного года», которого Уолтер видел в Берлине, – легкомысленно предположил, что кратер Барринджера как раз и был создан марсианским цилиндром, приземлившимся на нашей планете в далеком прошлом.)

При второй атаке на Землю марсиане взяли на вооружение простую, но жестокую тактику: использовать кинетическую энергию снарядов, чтобы сровнять с землей всех, кто готов сопротивляться, не оставив им шанса на бегство и тем более на ответную атаку. Именно такая судьба постигла британские войска той мартовской ночью.

Представьте себе ударную силу одного цилиндра. В последние секунды своего существования Аксбриджский цилиндр приближался к Земле под углом – траектория его полета пролегла над Атлантикой. За долю секунды он прорезал земную атмосферу, оставив за собой вакуумный туннель. А когда он врезался в землю, вся энергия его полета мгновенно преобразовалась в тепло. По словам Деннинга, сам цилиндр при этом был полностью уничтожен. Вверх устремился поток раскаленных камней, затягиваемый в лишенный воздуха туннель. Тем, кто наблюдал за падением издалека, показалось, что они видели мощный луч прожектора. Вокруг этой сверкающей колонны со дна кратера поднялось облако каменного крошева, в сотни раз более тяжелое, чем сам цилиндр. За этим последовали ударные волны, яростный порыв ветра, иссушающий жар. Сама земля прогнулась и застонала, когда ее плоть вздыбилась кратером в милю шириной.

В каждой точке, выбранной мишенью, произошло ровно то же самое: с воздуха (как доказали фотографии, сделанные на следующий день) это выглядело как кольцо огненных провалов, более впечатляющих, чем аризонский кратер. Каждый из них глубоко впечатался в английскую землю.

И все военные части в радиусе мили были уничтожены.

Многие верили, что Англия не станет мишенью для второй марсианской атаки, но достаточно было и тех, кто допускал такую возможность, а еще больше – тех, кто ее боялся, – и это вынудило правительство заблаговременно принять меры. Последовала перестройка не только армии и экономики, но и отношений между людьми – сама ткань общества загубела. Однако в результате у нас появилась куда более боеспособная армия, и, когда после долгих лет планирования и подготовки наконец настало время для мобилизации, она прошла быстро и эффективно.

Но итогом этой мобилизации стало то, что половина новой британской армии была уничтожена в первые минуты после атаки. Сгнули и солдаты, и военная техника; от большинства погибших не осталось и следа. И даже те, кто, как Фрэнк, находились на периферии, понесли серьезные потери.

Жестокость происшедшего потрясала, обескураживала. Фрэнк лежал ничком, вжавшись лицом в землю, закрыв голову руками. Казалось, что мир рушился на части: земля ходила ходуном, фонтаны песка взлетали в воздух, самого Фрэнка трясло и ломало. Траншеем обдало жаром. А потом начался град – сверху посыпались раскаленные обломки камней, обжигая кожу.

Контраст был ошеломительным. Сюда его привела цепочка отлаженных, размеренных действий – и все это в мгновение ока было стерто в пыль, разбито вдребезги. Фрэнк ощутил себя жалкой пылинкой в новом, незнакомом, первобытном мире.

Только когда земля перестала сотрясаться, когда схлынули жаркие волны и прекратился град из обломков камней – только тогда он осмелился поднять голову и выглянуть из-за бруствера. Но его фонарик осветил только клубящуюся пыль, словно от мира ничего не осталось.

Лицо Верити, смятенное, ошарашенное, сверкнуло во мраке, как начищенная монета. Когда она заговорила, голос ее звучал сдавленно, будто ей не хватало воздуха.

– Что это было? Тепловой луч?

– Нет. Не знаю. – Фрэнк выпрямился и огляделся. – Это катастрофа.

Тьма вокруг сгустилась: огни Аксбриджа больше не освещали мрак. В свете нескольких уцелевших фонарей Фрэнк увидел разоренный лагерь: палатки опрокинуло взрывной волной, даже огромная пушка завалилась набок. Полевые госпитали были разрушены, койки и медицинские принадлежности валялись на земле.

– Тут будет непросто навести порядок.

Собственные слова показались ему донельзя глупыми. Разве вообще в человеческих силах с этим справиться?

Послышался стрекот мотоцикла.

– Смотрите, – Верити показала туда, откуда доносился шум.

Сверкнула фара, и разведчик в противогазе и защитных очках въехал в клубы дыма – он направлялся в зону разрушений. Затем за ним последовало еще несколько человек. Огни мотоциклов скрыла завеса тьмы, за которой Фрэнк различил красноватое пламя – оно постепенно разгоралось там, где раньше стоял Аксбридж.

– Нам нужно туда, – сказал Фрэнк. – К раненым – если, конечно, кто-то вообще выжил. Берите сумку и пойдём.

– Но госпитали...

– Тут полно сильных ребят, которые отстроят все заново. А теперь наша главная задача – найти пациентов.

Держа в руке фонарь, он шагнул за бруствер. Оба натянули противогазы: подразумевалось, что они должны спасать от черного дыма, но теперь фильтры и защитные маски оберегали легкие и глаза от пыли, которая стояла над развороченной землей. Оглядываясь назад, Фрэнк видел, что за ними следом идет еще несколько медсестер и санитаров с фонарями и лампами. Искры во тьме.

По земле словно прокатилась огромная волна. Продвигаясь вперед, Фрэнк видел искореженные остатки машин и пушек – и человеческих тел. Вот чья-то оторванная конечность, вот раскрытая ладонь, вот расколотый череп; тела, оставшиеся более или менее целыми, свисали с брустверов. «Расчлененные» – всплыл в сознании у Фрэнка медицинский термин. Большинство даже не были обожжены – их просто разорвало на куски. Его отряд разбрелся, чтобы поискать в этих жутких завалах признаки жизни.

Верити стояла рядом с Фрэнком, зажав рот рукой в перчатке.

– Наверное, если смотреть с Марса, все это кажется очень незначительным.

Впереди они заметили какое-то движение. В клубах пыли показалось двое солдат: один из них тащил на себе второго, у которого была сломана нога и сильно обожжено лицо. Фрэнк и Верити побежали к солдатам и помогли аккуратно уложить раненого на землю.

– Ничего страшного, – проговорил тот, с трудом шевеля обожженными губами. – Так, пустяк. Ерунда...

– Молчите, – сказала Верити. Она быстро обследовала раненого. – Он истекает кровью. Нужен жгут на ногу. И холодная вода для ожогов. Надо наложить шину... – Она посмотрела на Фрэнка, и даже маска не могла скрыть ее неуверенность. – Так ведь, доктор?

– Конечно. Приступайте.

Пока она занималась раненым, Фрэнк еще раз огляделся. Пыль к этому времени уже слегка улеглась. Оттуда, куда упал цилиндр, до сих пор тянуло невыносимым жаром, и над бывшим городом до сих пор виднелось красное зарево – что бы ни осталось от Аксбриджа, это сейчас полыхало всюду, как и окрестные поля и леса.

Из лагеря потянулись люди – не только медики, но и солдаты, сержанты и даже офицеры. Из развалин выбирались немногие уцелевшие. Пожилой мужчина, опытный военный врач, согнулся пополам, и его стошнило. Когда он выпрямился и вытер рот, то сказал:

– Что нам здесь делать? Это же бойня. Что нам делать? Что делать?

– Лечить, – сказал Фрэнк так твердо, как только мог. – Всех, кого мы можем вылечить. Вперед. Давайте прочешем местность. Вон там кто-то шевелился...

Они ходили среди мертвых и искали тех, кого еще можно было спасти. Большая часть коек в полевом госпитале осталась пустой. Но этой ночью Фрэнк и его отряд снова и снова возвращались к развороченной земле. Лучи фонарей то и дело выхватывали из темноты человеческие тела, бледно мерцающие в воздухе, полном копоти и дыма.

15. Понедельник в Лондоне

Я всегда недолюбливала утро понедельника. Особенно если нужно включаться в повседневную рутину – работа, транспорт, – а перед этим был ленивый воскресный вечер, в конце которого человеку кажется, что он снова стал собой, и который оборачивается обманкой. В понедельник утром только и остается, что второпях проглотить завтрак и, ощущая в желудке его тяжесть, отправиться вместе с копошащимся роем в огромные ульи деловых кварталов. Но вряд ли можно вообразить более ужасное утро понедельника, чем то утро 29 марта: у лондонцев, пожалуй, не было такого горького пробуждения со времен Первой марсианской войны, а у парижан – с 1914 года, когда в город вошли немцы. Впрочем, думаю, что многие из нас и не спали – с самой полуночи, когда приземлились цилиндры, я почти не смыкала глаз.

Я не без труда добралась из Стэнмура в центр Лондона и остановилась в отеле на Стрэнд. Номер стоил заоблачных денег – в эти последние дни и часы все героически задирали цены, – но я, журналистка, не обремененная заботой о невестке, твердо решила попасть в самую гущу событий. Историю о Лондоне времен Второй войны, независимо от того, доберутся ли до города марсиане, будут пересказывать еще долгие годы. Сказать по правде, я рассчитывала, что «Сатердей ивнинг пост» задним числом оформит мне командировку, и я к тому же умножу свои сбережения.

Необходимые наблюдения были произведены до вечера воскресенья. Правительство и военное руководство предупредили людей посредством газет, радио и громкоговорителей о том, что марсиане приближаются к Земле и на этот раз они нацелились на Миддлсекс и Бакс – графства на приличном расстоянии от Лондона, а также о том, что армия уже в пути и готова расправиться с захватчиками. Они возвращались! Это пугало и будоражило: неужели мы и вправду готовы к их прибытию?

Так что в полночь я, не раздеваясь, стояла и ждала представления. Что я ожидала увидеть той ночью? Может быть, одну-другую падающую звезду – вроде тех, что заметил Уолтер в ту короткую июньскую ночь 1907 года, когда возле Уимблдона упал шестой цилиндр, пока мы с невесткой дремали. Я ждала зеленую вспышку, звезду над холмами, бесшумно скользящую вниз, – а вслед за этим должен был раздаться отдаленный грохот пушек: наши ребята отомстили бы за прошлый раз.

Ничего подобного. Как позднее выразился Черчилль, подлые марсиане вернулись на поле, но отказались играть по правилам.

Я смотрела из окна шестого этажа на северо-запад (я позаботилась о том, чтобы окна моего номера выходили именно туда), и мне показалось, что внезапно грянула гроза: я увидела ослепительные вспышки, белые, без каких-либо примесей зеленого цвета, похожие на молнии от земли до неба, – и все это в зловещей тишине.

Потом, спустя целую минуту, послышался грохот – словно колоссальный раскат грома сотряс город. Я слышала звон бьющегося стекла. Отель содрогнулся, и я почувствовала, что земля подо мной пульсирует – как и воздух вокруг. (Позже я узнала, что находилась милях в тринадцати от ближайшего места падения снаряда.) Прошла секунда, и все кончилось – только на горизонте постепенно разгоралось зарево пожара.

В наступившей тишине заголосил сигнал пожарной тревоги. В коридорах послышался топот; кто-то кричал, что надо эвакуироваться – и ни в коем случае не пользоваться лифтами. Я подозревала, что это лишнее, но была готова идти. Я подхватила свой рюкзак, куда, по обыкновению, заранее уложила вещи, вышла из комнаты, положила ключ в карман и присоединилась к толпе постояльцев, которые пробирались к лестнице.

На улицах были пробки – в основном из автомобилей, но были и гужевые повозки. Почти все направлялись на восток, к улице Олдвич, подалее от «бури», и многие ехали по встречной

полосе, несмотря на усилия пары констеблей по специальным поручениям – полицейских-добровольцев, которые тщетно пытались поддерживать порядок. Значит, люди уже бегут из города. Толпа постояльцев вылилась на улицу из отеля; большинство были в пальто поверх ночных рубашек – ночь была прохладная. Люди были встревожены и слегка смущены – поскольку грандиозное световое представление, зловещий грохот и дрожь земли уже закончились. Не было видно ничего необычного, разве что небо на западе подозрительно покраснело. Люди рассуждали о том, что случилось: может быть, марсиан сбили еще до приземления? Ходили дикие слухи о титанических пушках, которых доставили на немецких цеппелинах и так далее.

Но какой-то пожилой мужчина с пышными усами, как у лорда Китченера, с этим не соглашался:

– Знаете, чего мы не слышали? Пушечных выстрелов! Во время битвы за Париж в четырнадцатом году я был в Рае, в Суссексе, и даже с такого расстояния мы слышали лай немецких гаубиц. А Миддлсекс куда ближе. Что бы это ни был за исполинский шторм – наши парни не стреляли в ответ. Верно ведь? Так что происходит? Может, у нас уже кончился порох?..

Жена потянула его за рукав, призывая замолчать, – и это сказало многое о том, как в ту ночь были настроены перепуганные лондонцы. Прохожие с подозрением косились на мужчину или выискивали глазами констеблей, чтобы те положили конец упадническим речам.

Поскольку представление, по всей видимости, закончилось, а отель не разваливался на части и не полыхал огнем, постояльцам предложили вернуться внутрь. Многие из них, однако, были слишком взбудоражены и не хотели обратно в номера. Администратор, проявив смекалку, открыл рестораны и бары; там можно было заказать напитки, а вскоре принесли закуски, кофе и чай. Я слышала, как ворчат официанты, которых подняли среди ночи: «Надо же было этим проклятушим марсианам явиться в самом конце моей смены!»

Я какое-то время провела внизу – пила крепкий кофе и пыталась разузнать какие-нибудь новости. В каждой комнате, в каждом холле был «мегафон Марвина», но оттуда в промежутках между бравурными патриотическими песнями лились только шаблонные заверения, что враг приземлился ровно там, где предсказывали астрономы, и что наши войска отважно вступили с ним в противоборство, – никаких деталей. Я пыталась дозвониться нескольким знакомым в Миддлсексе, но, похоже, телефонная связь с тем районом оборвалась. Я даже позвонила в «Обсервер» – эта газета опубликовала в разделе «Культура» несколько моих статей, которые я присылала из Нью-Йорка, – но дежурный редактор сказал, что телеграф тоже не работает и даже по радио не поступало никаких вестей.

В конце концов я запихала в сумку несколько сэндвичей, поймав на себе косые взгляды официантов, и вернулась в номер. Я решила, что стоит остаться там до рассвета и попробовать поспать. Я легла в постель прямо в одежде – сняла только пальто и ботинки. По крайней мере я согрелась. С поля боя, если таковое вообще было, ничего не доносилось – ни грохота взрывов, ни треска выстрелов.

Все это было загадочно, тревожно и совершенно неожиданно. Как будто не марсиане спустились на Землю, а какой-то грозный таинственный бог.

Кусочек неба в моем открытом окне уже начал светлеть, когда меня разбудил запах гари.

Ночь была позади. Я спешно умылась, схватила пальто и сумку, отхлебнула холодного кофе из чашки, которую принесла из ресторана, выбежала из комнаты и снова понеслась вниз по лестнице.

На востоке занимался рассвет. Но на западе темное небо до сих пор светилось красным. Оттуда дул слабый ветерок – именно он принес запах гари. Я представила себе полыхающий Миддлсекс – и, как оказалось впоследствии, была недалеко от истины.

С полуночи улица преобразилась. Вдоль всей Стрэнд стояли временные заграждения, которые охраняли констебли, – многие из них были добровольцами, одетыми в гражданское,

и отличить их можно было только по нарукавным повязкам и стальным шлемам. На улице больше не было машин, а на те немногие, что были здесь припаркованы, наклеили уведомления о реквизиции. В дело вступали новые правила – очевидно, кто-то поспешно воплощал в жизнь очередной этап хорошо отработанного плана.

И все же люди по-прежнему сновали туда-сюда. Некоторые показались мне обычными служащими – ранними пташками, которые спешили навстречу очередному, ничем не примечательному дню в своей конторе, пока на окраинах полыхали пожары. Но другие явно готовились к исходу: с ними были дети и старики, в том числе с ходунками и в инвалидных колясках; люди тащили чемоданы и сумки, нагруженные всевозможным скарбом. При виде этого у меня в памяти вновь всплыло злополучное лето 1907 года.

Но сейчас все было иначе, чем тогда. По крайней мере пока мне так казалось. Правительство еще не сдалось. Констебли и офицеры, ответственные за пожарную безопасность, не покидали посты и даже призывали жителей возвращаться домой и выполнять свой долг. Некоторых отдельно выдергивали из толпы.

– Смотри, это повязка пожарного. Бери свисток, ведро с песком и отправляйся в церковь Святого Мартина – тебе надо быть там, а не бежать, поджав хвост!

Кое-кто спорил – например, пожарный, который порывался сбежать.

– Кончай выделываться, Тед. Ты же швейцар в «Риальто», а не чертов Уинстон Черчилль! Большие шишки забрали мой автомобиль, забрали двуколку, если бы они сообразили, они бы и тещину коляску прихватили – нет-нет, мама, не надо вставать, ее никто не отнимет, – но мои ноги они пока не могут рек-ви-зи-ро-вать, и, если в тебе осталась хоть капля здравого смысла, ты последуешь за мной.

Даже я привлекла внимание констеблей – потому что у меня не было с собой противогаза (на самом деле был, просто не на виду, – он лежал в рюкзаке).

– Вы, миссис, пожалеете, что он у вас не под рукой, когда придет черный дым.

Если уж в Вест-Энде такое происходило, легко было представить, что подобные сцены разыгрывались по всему городу и в окрестностях: власти пытались удержать город на плаву своими правилами, указами и воззваниями к чувству долга, и все дорожное движение замерло – по дорогам ездили только военные автомобили. И все же по улицам и переулкам текла тонкая струйка людей – они шли пешком, нагруженные тюками, и неуклюже пробирались все дальше и дальше. Жители Лондона кучковались, сбивались вместе, в единый рой, – и заполняли магистрали, ведущие на юг и восток, в направлениях, противоположных тем, откуда на этот раз наверняка должны были прийти марсиане.

И все же даже на Стрэнд, даже в этот ранний час, в толпе жителей, уходящих из города, я различала людей, которые явно проделали куда более долгий путь – и шли в Лондон, а не из него. Некоторые из них с трудом переставляли ноги; их одежда была подпалена, лица почернели от копоти. Они шли целыми семьями, с детьми и стариками, шли пешком – и вещей у них было куда меньше, чем у лондонцев, которые свой путь только начинали. В отеле был пункт первой помощи, и на улицу выпархивали медсестры, чтобы позаботиться о тех беднягах, кому пришлось особенно несладко. Официанты и коридорные выносили наружу стаканы с водой. Я хотела поговорить с этими беглецами, услышать их рассказ, но констебли, которые неизменно пеклись о морали, не подпускали меня к ним.

Потеряв терпение, я махнула рукой на отель и пошла по Стрэнд на запад, против движения толпы. Я направлялась на Трафальгарскую площадь.

Вокзал Чаринг-Кросс был закрыт и щетинился колючей проволокой: железные дороги, как и автомобильные, перешли в ведение военных. Было еще рано, но некоторые магазины уже открылись – я видела дерущихся людей в бакалейной лавке. Возле запертых дверей банка собралась очередь. Позже я узнала, что Банк Англии приостановил платежи, и все остальные вынуждены были закрыться. Это был первый намек на то, что новая атака марсиан повлечет за

собой масштабные последствия: закрытие лондонских инвестиционных рынков, через которые в те дни проходила изрядная доля мировых финансов, должно было немедленно привести к кризису.

Оказавшись на площади, я встала на крыльце Национальной галереи, и мы вместе с Нельсоном стали наблюдать за тем, что происходит в месте слияния городских улиц. На дорогах постепенно становилось все больше пешеходов, и лишь несколько автомобилей, полицейских и военных, пробирались вперед, минуя толпу и заграждения. Даже здесь по мере того, как разгоралось утро, я отчетливо видела, что люди движутся на восток, – они инстинктивно бежали от загадочных отблесков на западе.

Около восьми утра появились газетчики с первыми экстренными выпусками, и их обступили со всех сторон. В то утро можно было запросто сколотить состояние, собрав его по пенни. Я не стала присоединяться к общей свалке – вместо этого я подождала несколько минут и подняла выброшенный, но практически нетронутый экземпляр «Мейл». Этот листок, отпечатанный в спешке, без картинок, зато с крупными заголовками, похоже, содержал подлинные новости, и я молча возблагодарила издателей, отказавшихся соблюдать спущенный сверху запрет на правду, когда она была так нужна. Из кричащих заголовков можно было составить впечатление о том, что происходит на фронте:

СТРАШНАЯ КАТАСТРОФА В МИДДЛСЕКСЕ И БАКСЕ ПОЛОВИНА АРМИИ УНИЧТОЖЕНА В ОДИН МИГ

Несколько слов, пригоршня фактов – можно было бы счесть заголовки паникерским, но, как я убедилась позже, в этой дюжине слов была точно схвачена суть дела.

Тем временем главный комиссар полиции призывал нас соблюдать общественный порядок. Парламент, Тайный совет и Кабинет министров, как нам сказали, проводили срочные заседания, а с военными командирами на фронте поддерживалась связь. Королевской семьи в Лондоне не было: еще на прошлой неделе военный корабль увез короля в Дели, где он был в безопасности. Я слышала, как читатели одобрительно бормочут при виде этих новостей: «Благослови их Господь, они целы». Для меня король был просто тупицей со страстью к филателии, но в те дни меня не раз поражала искренняя преданность, которую питали к Саксен-Кобург-Готской династии самые нищие и обделенные подданные короны – даже те, кто презирал правительство Марвина.

В газете сообщали, что большая колонна солдат и техники выдвинулась из Олдершота, где располагался штаб армии и были размещены три дивизии, и из Колчестера к северу от Темзы, а особые поезда везли запас оружия и снарядов из Вулвичского арсенала. Продуктовые магазины уже опустели, потому что жители в панике начали скупать провизию, и правительство направило продовольственные потоки на особые склады, где еду должны были раздавать по карточкам.

Я дважды перечитала газету и отдала ее мужчине, который с нетерпением ждал своей очереди.

Я двинулась дальше – без конкретной цели, доверившись инстинктам. Спустилась к реке, прошла по набережной – вернее, по узкой полоске тротуара, которая еще не была перекрыта, – и пересекла Вестминстерский мост. Оттуда я увидела, как вверх по течению идут военные корабли. Там были баржи, перевозившие солдат, и мне показалось, что я узнаю низкие борта миноносцев – похожих на «Сына грома», который столько сделал для моего спасения тринадцать лет назад. Такие суда, как я поняла, смогут пройти под мостами и подняться по реке

выше, чем большинство боевых кораблей. Я также увидела тяжелые орудия, погруженные на небольшие корабли и баржи.

От реки я прошла по Бридж-Роуд и оказалась к югу от Ватерлоо. На узких улицах Ламберта, несмотря на стены и фонари, сплошь увешанные, как и везде, правительственными плакатами, не было той паники, которая охватила Вест-Энд. Видимо, когда у тебя почти ничего нет, тем более не хочется бросать то, что есть. Но на улице Кат продуктовые магазины были закрыты, а в одном хозяйничали мародеры. Его разбитое окно зияло, как дырка на месте зуба.

На ступенях перед неприязнительным, но величественным зданием театра «Олд Вик» я увидела стайку босых ребятишек, которые просили подаяние. Я дала им несколько пенни – впрочем, какой толк от денег, когда магазины все равно закрыты! Интересно, как скоро Марвин сможет наладить свою карточную систему? Я надеялась, что скоро: в местах вроде этого людей отделяет от мук голода всего один обед. Во время Первой войны, даже когда марсиане свирепствовали в Суррее, полиция пыталась подавлять голодные бунты в подобных районах. Это имело долгоиграющие последствия: Фрэнк был в одном из первых медицинских отрядов, после войны отправившихся в Ист-Энд, и он так и не отказался от своей миссии – а полицейские, закаленные в боях, так и не смягчились. Уолтер Дженкинс никогда об этом не говорил и никак не комментировал заявления властей, которые утверждали, что подобные несчастья больше никогда не постигнут обездоленных людей, вверенных их заботам. У меня не было оснований сомневаться в искренности этих заявлений, но теперь правительству настало время претворить их в жизнь.

Я вспомнила Фрэнка и задумалась о том, что случилось с моим бывшим мужем там, в Миддлсексе. Жив ли он? Я не знала.

16. За Кордон

Как Фрэнк позднее записал в своем новоиспеченном дневнике, через семь часов после приземления первых цилиндров – вскоре после рассвета – ему и прочим медикам сказали, что войску нужно передислоцироваться.

Фрэнк ожидал, что уцелевшие части отзовут в Лондон, – раненых туда уже отправили: одних везли на санитарных машинах, другие шли пешком. Эвакуировали всех, кроме умирающих, которые ждали своего часа в палатках, разбитых посреди фермерского поля. Однако вместо этого подполковник Фэрфилд лично явился к Фрэнку и Верити, чтобы сообщить, что часть выживших военных отправят за Кордон.

– Так мы прозвали тот огромный земляной вал, который в один миг воздвигли марсиане. А местность внутри можно назвать «Марсовым полем» – Фэрфилд ухмыльнулся собственной вымученной шутке.

Вокруг было жарко и дымно. Окрестные леса и поля горели всю ночь, и кое-кто даже пытался спать в противогазе. До сих пор приходилось часто моргать, чтобы в глаза не забивалась пыль. Над головой, словно мухи, жужжали аэропланы. Фрэнку в конечном счете удалось помыться и сменить окровавленную одежду, хотя поспать он так и не успел, и все же его преследовало странное чувство нереальности всего происходящего, словно даже дневной свет был бутафорским. Ему пришлось сосредоточиться, чтобы понять, о чем говорит Фэрфилд.

Тот показал сделанный с воздуха снимок, где было запечатлено кольцо из пятидесяти двух кратеров.

– Раны, нанесенные с хирургической точностью, – сказал Фрэнк.

– Думаю, это уместное сравнение, – заметил Фэрфилд. – Но по этим фотографиям трудно понять масштаб. Тут ведь совмещено несколько снимков. Ребята трудились всю ночь, чтобы отпечатать эти фото и составить новую карту местности, – я уж не говорю о том, какой опасности подвергались пилоты, которые это снимали. Каждый из этих кратеров почти в милю шириной. Вот эта клякса, – он показал на размытое пятно в самом центре кольца, – это Амершем, довольно крупный городок. В этом кольце его почти не видно – теперь представляете размеры? А ведь впереди еще вторая волна. Это была всего лишь подготовка.

– Вторая волна, – Фрэнк вспомнил слова Уолтера о том, что с Марса летят сто цилиндров, пока что успело приземлиться только около пятидесяти. – Следом наверняка прилетят военные корабли вроде тех цилиндров, что упали в прошлый раз. Но где они приземлятся? Можем ли мы сейчас это сказать?

– С определенной долей уверенности: им осталось лететь всего-то часов восемнадцать. Некоторые упадут внутри Кордона. Но другие, которые летят первыми, приземлятся... – Фэрфилд ткнул пальцем в некоторые кратеры. – Вот здесь, здесь, здесь... В уже существующие ямы. Как видите, они метят не в каждый кратер, но большая часть примет новых гостей.

– Но зачем приземляться туда, где они уже все разворотили? – озадаченно спросила Верити.

– Потому что там они уже успели уничтожить всех противников, не открыв ни единого цилиндра, – ответил Фрэнк. – Теперь они думают, что смогут спокойно совершить посадку.

– В точности, – подтвердил Фэрфилд. – Но в их планах есть изъян. Им не удалось уничтожить всех, и у нас есть время подготовиться – перебросить туда солдат и пушки из тыла и из резервных дивизий. И окружить их еще до приземления.

– Окружить их, – повторила Верити. – Вот почему мы идем внутрь.

– Именно так. Мы бросаем силы за Кордон, располагаем солдат между кратерами и на сравнительно нетронутой земле внутри кольца, так что, когда цилиндры опустятся, каждый из них ожидает радушный прием. А тем временем подтянутся новые солдаты, которые заткнут

бреши в обороне. И вы отправитесь с нами. Боюсь, вам сегодня придется много ходить, ходить и копать. До Кордона отсюда недалеко, но местность там неровная, сами понимаете. Разведчики и саперы уже там, – он посмотрел на Верити. – Мисс, это не приказ. Ваш отряд – добровольцы. Если вы хотите уйти...

– И пропустить все веселье? – откликнулась она. – Ну уж нет, ни за что.

Фэрфилд улыбнулся.

– Ну что ж, тогда вперед.

Он коротко отсалютовал и ушел.

– Смелый поступок, – пробормотал Фрэнк.

Верити хмыкнула:

– У меня нет особого выбора: если я спасую, мне придется вернуться и предстать перед матерью, которая постоянно хвалится тем, что когда-то встречала Флоренс Найтингейл. Лучше уж орда марсиан, чем это. Пойдемте, доктор Фрэнк, надо собрать вещи.

Фрэнк всегда старался держать себя в форме. После той стычки у Хай-Барнета во время Первой войны он снова начал заниматься боксом, которым увлекался в школе, раз уж этот навык оказался таким полезным. Позднее он с не меньшим энтузиазмом выполнял распоряжения Фирда: тамошние инструкторы требовали, чтобы рекруты были здоровыми и крепкими. Но, несмотря на это, он порядком утомился, когда они разобрали полевые госпитали, свернули палатки и погрузили их в автомобили и повозки.

Конечно, медицинское оборудование было куда легче, чем оружие, обмундирование и прочие вещи, с которыми приходилось иметь дело солдатам. «Я никогда не встречал менее спортивных с виду людей, чем рядовые британской армии, – рассказывал мне Фрэнк. – Но дай им задание – и они его выполнят. В процессе они будут курить, жаловаться, чертыхаться, но на самом деле каждый из них – маленький Геракл».

Впрочем, он говорил, что в тот момент тяжелый физический труд воспринимался как облегчение. Хотелось чем-то себя занять, чтобы лишний раз не думать.

Они сделали небольшой перерыв на обед – подкрепились холодным мясом и хлебом. А потом, вскоре после полудня, направились на северо-запад, мимо руин Аксбриджа. Фэрфилд и прочие офицеры шли или ехали вдоль колонны, а разведчики сновали туда-сюда на мотоциклах, подсакивая на изрытой земле. Фрэнк представил, как все это выглядит сверху, словно на сборном снимке Фэрфилда. Быть может, в эту самую минуту какой-нибудь марсианин в своем цилиндре наблюдал именно такую картину: огромный круглый шрам на теле планеты – и люди, машины и лошади, которые осторожно перебираются через земляную гряду.

Как понял Фрэнк, они преодолевали Кордон в том месте, где два кратера вплотную примыкали друг к другу. Повсюду курился дым. У границ кратеров разрушено было не все. Они прошли мимо остова какого-то дома: одна его стена уцелела, и из нее беспомощно торчали перекрытия, из поврежденных труб сочилась вода, затопляя руины.

Земля под ногами была относительно целой – но лишь относительно: где-то ее усыпали поваленные деревья, где-то она была взрыта, и обнажилась твердая порода – камень цвета кости. В самых разбитых местах саперы положили настил, но он был предназначен скорее для машин, чем для людей, так что Фрэнку и членам его отряда, каждый из которых тащил на себе груз, приходилось ступать очень осторожно.

Они миновали Аксбридж, а вернее – место, где он раньше находился, и, подобравшись к указателю на Денем, увидели, что путь затоплен. Канал Гранд Юнион, чье русло пострадало при падении цилиндра, вышел из берегов. Саперы соорудили понтонный мост, по которому могли пройти машины, но пешим солдатам пришлось пробираться по размокшей глине. Ноги тут же промокли – но хуже было то, что Фрэнк на каждом шагу застревал в густой грязи: та липла к подошвам и вытягивала остатки сил. Вскоре вокруг не осталось офицеров и солдат,

добровольцев и призывников, мужчин и женщин – были только одинаковые перепачканные фигуры, которые с трудом пробирались вперед.

Фрэнк и отряд медиков поравнялись с группой солдат, таких же грязных и неузнаваемых, как и все остальные. Они возились с опрокинувшейся повозкой. Рядом со скучающим видом стояла лошадь. Один из солдат обратился к Фрэнку – с немецким акцентом, чем немало того удивил:

– Можете нам помочь?..

Фэрфилд кивнул, и Фрэнк с парой юных врачей и санитаров-добровольцев подошел к солдатам. Они закурили, отхлебнули воды из фляжек и, стоя в грязи, оценили масштабы бедствия. Сама повозка не пострадала, но опрокинулась в яму, скрытую коричневой жижей, и груз – впечатляющих размеров пулемет – упал в воду.

– Даже когда мы его достанем, – сказал немец, который позвал их на помощь, – придется целый день его чистить. Но деваться некуда – у нас назначено свидание с марсианами, – он протянул Фрэнку руку. – Швезиг. Хайко Швезиг, фельдфебель-лейтенант. Я в ответе за эту пушку и этих ребят – нас откомандировали сюда из имперской армии, и эта красавица оттуда же.

Воинскую часть Швезига отправили охранять немецкое консульство: в те времена посольство такой могущественной страны, расположенное в дружественном городе вроде Лондона, должно было иметь внушительный арсенал. Когда объявили о марсианской угрозе, воинская часть среди прочих вызвалась на фронт.

– Марсиане, в конце концов, грозят не Британии, – сказал Швезиг, тщательно выговаривая слова, – а всему человечеству. Конечно, мы должны быть здесь.

Верити подозрительно глядела на застрявший пулемет.

– Тут придется попотеть. Весь день об этом мечтали!

– Помощь нужна? – раздался бодрый женский голос.

Фрэнк обернулся и увидел женщину лет пятидесяти, крепкую, мускулистую, с широким обветренным лицом. Ее темные седеющие волосы были перевязаны шарфом. На ней были рыбацкие сапоги и кожаная куртка, облегающая плотный торс. Позади женщины тархтел мотором внушительный трактор, который остался незамеченным в общей суете.

Швезиг усмехнулся.

– Мадам, я сегодня еще не встречал более чистого человека.

– Надеюсь, вы не врете, иначе муж мне не простит, что я одолжила его болотные сапоги. Но с тех пор как его призвали в резерв, а я осталась следить за фермой, у него больше нет времени на его драгоценную рыбалку, – она указала куда-то пальцем. – Наша ферма в нескольких милях отсюда, возле местечка Эбботсдейл, если знаете такое. И старушку Бесси я сюда пригнала ровно потому, что вы, ребята, попали в передрагу.

– И мы вам за это очень признательны, – сказал Швезиг и пожал ей руку. Фермерша представилась: ее звали Милдред Триттон.

Трактор Бесси, управляемый уверенной рукой Милдред, мигом вытащил пулемет из грязи и погрузил на повозку; можно было двигаться дальше. Фэрфилд, увидев, что к солдатам пришла неожиданная подмога, не преминул воспользоваться любезностью Милдред: для ее трактора тут же нашлось применение.

Верити проводила ее взглядом и вздохнула.

– А я-то надеялась, что нас подвезут. Ладно, забудем. Вперед, капитан Фрэнк...

Пункт назначения был совсем близко, судя по заляпанной, от руки нарисованной карте, с которой сверялся Фэрфилд. И медики были не первыми, кто прибыл на это поле: солдаты уже рыли там траншеи и отхожие ямы и возводили укрепления из мешков, наскоро набитых песком, перегораживая дорогу, по которой пришли.

Теперь они были далеко за Кордоном и оказались в нетронутой сельской местности среди зеленых холмов, оврагов и деревушек. Невдалеке низко над водой скользила цапля. Стадо коров сгоняли с поля, чтобы дать солдатам пройти, и слышалось недовольное мычание.

День был еще в разгаре – они прошли всего несколько миль. И все же страшно утомились. Вряд ли хоть кому-то удалось выспаться прошлой ночью.

Однако им пришлось сразу же взяться за работу. Время поджимало, и это чувствовали все. «Они прилетят в полночь», – шептали повсюду: и в траншеях, и возле наспех развернутых полевых кухонь. Об этом тихо говорили доктора, медсестры, санитары. «В полночь снова прилетят марсиане. Надо подготовиться...» Все они прошлой ночью убедились, как велика, как слепа в своей жестокости разрушительная сила марсиан и с какой легкостью они ее применяют. Их-то всех инструктировали насчет черного дыма и тепловых лучей. И вот они стояли здесь, на переднем рубеже обороны, готовые защищать Англию и все человечество. Фрэнк слышал, как Фэрфилд, прочие офицеры и сержанты, расхаживая между рядами, подбадривали солдат и побуждали их трудиться не покладая рук, но думал, что в этом нет необходимости. Все и так все понимали.

В шесть часов они поужинали, не отрываясь от работы. Хотя после первого приземления ожидалось окно в девятнадцать часов, все готовились к схватке, и медикам велели вырыть окопы, чтобы в них укрываться. Полевые госпитали находились довольно далеко от передовой, от того места, где, предположительно, должен был приземлиться «их» цилиндр, на карте Фэрфилда помеченный номером двенадцать, – но со времен Первой войны было известно, что тепловой луч может разить на несколько миль. Так что окопы были не лишними. Есть приходилось на ходу, прерываясь лишь на несколько минут и снова принимаясь рыть.

К половине восьмого солнце село. Фрэнк и Верити в последний раз оглядели вверенный им лагерь.

– Мы сделаем все, что в наших силах, – сказал Фрэнк, пытаясь придать голосу уверенность, которой на самом деле не чувствовал.

Она рассмеялась.

– Вот это я понимаю – слова настоящего доктора! Ободряющие и бессмысленные. Вы слишком давно на этой работе, капитан...

Вокруг стемнело, и часы отсчитывали минуты до полуночи.

Фэрфилд, в последний раз инспектируя лагерь, не проникся особым сочувствием к медикам, которые ощущали нарастающую тревогу.

– Я пережил пару операций, – сказал он. – Пуля угодила в плечо, пришлось вынимать. Дело было в Судане. Помню, каково это – ждать своей очереди на операционном столе. Теперь, доктор, ваш черед дрожать в ожидании скальпеля!

В десять часов Фрэнк сходил в уборную, в одиннадцать снова туда наведалься – там было уже больше народу. Эта привычная рутина вызвала у него неуютные воспоминания о прошлой ночи – как будто он застрял в какой-то запутанной пьесе, которую обречен репетировать вновь и вновь.

Он взял в окоп чашку кофе, выпил ее, спустился по короткой деревянной лестнице и уселся за бруствером из мешков с песком, гадая, поднимется ли он по ней снова. Как Фрэнк ни старался, он не мог вообразить себе мир, в котором окажется, когда пробьет полночь. В земле под ногами он увидел осколок камня, блестящий в свете одной из масляных ламп, развешанных вдоль окопа, – нежно-белый снаружи, густо-черный внутри.

– Известняковые холмы, док, – послышался знакомый голос. – Саперы знают местность. Такая уж у них работа. Прирожденные геологи – вот кто они такие.

Фрэнк вздрогнул и обернулся:

– Берт Кук!

Кук был одет в форму резервиста, такую же грязную, как и у всех остальных. На голове у него была стальная каска; лицо он зачернил жженой пробкой. Это предложили офицеры, но большинство солдат не стали себя утруждать: у марсиан не было снайперов.

– Приветствую, док, – сказал Кук. – Слышал, что вы тут, в этой части. Обошел все окопы, чтобы встретить приятеля, – он взглянул на часы. – Успел как раз к началу представления, да?

– По-хорошему, мне нечему удивляться, Берт. Не сомневался, что вы вернетесь.

– «Как воробей около человека» – так выразился ваш брат, цитируя меня, – Кук говорил это горячо, взволнованно, и все же было видно, что он все рассчитал. – И вот я тут сижу – жду, пока они свалятся мне на голову. Вот чего я ждал с того самого момента, когда эти мерзавцы вымерли в седьмом году, – ждал, что они вернутся и завершат начатое.

– Вы как будто этому рады, Берт. Вы человек-загадка.

– Загадка, говорите? Я вам сейчас загадаю загадку. Что это такое – зеленое, светится и летит как птица?

Фрэнк непонимающе посмотрел на него.

Кук усмехнулся и указал вверх.

17. Цилиндр № 12

С помощью других выживших Фрэнку в конце концов удалось составить ясную картину того, что произошло дальше, – но на это ушло время. Впрочем, как оказалось, времени у него было в достатке.

Цилиндр, отмеченный на карте Фэрфилда номером двенадцать, упал ровно в полночь: за яркой зеленой вспышкой последовал тяжелый удар.

Скорчившийся в окопе Фрэнк почувствовал, как земля под ногами содрогнулась и мощный порыв ветра выбил дыхание из груди. Затрещали доски на дне окопа, наспех сложенный из мешков бруствер обвалился в нескольких местах, люди заохали и съежились. Фрэнк сразу понял, что это падение было не таким разрушительным, как то, злосчастное, сутки назад, – зато оно случилось ближе.

Через несколько секунд Фрэнк услышал крики:

– Вперед! Вперед!

– Тащите сюда свои пушки, черт побери!

– Света! Дайте света!

Фрэнк встал на стрелковую ступень и выглянул из окопа. Он увидел яму, из которой исходило зеленое свечение; вокруг валялась развороченная земля, невдалеке пылал огонь – там горели деревья, трава и дома. В зловещем зеленоватом свете и в дрожащих отблесках фонарей вырисовывались силуэты людей и орудий – те уже приближались к новой воронке.

Где-то позади заговорила артиллерия: из-за окопов стреляли пушки, восемнадцати- и шестидесятифунтовые гиганты. Огромные снаряды должны были вдребезги разбить цилиндры еще до того, как к ним подберется пехота.

Новый приятель Фрэнка, фельдфебель-лейтенант Швезиг, и его безупречно вышколенный – как все немецкие солдаты – орудийный расчет одними из первых добрались до новой воронки. Позже Швезиг рассказал Фрэнку о том, что увидел. В яме стоймя стоял цилиндр – огромная стальная колонна диаметром около тридцати ярдов и длиной наверняка не меньше сотни: именно такими были марсианские снаряды, которые выкопали из земли после Первой войны. Швезиг и его солдаты приготовили пулемет – на тот маловероятный случай, если те, кто скрывался в цилиндре, выжили после удара орудий, которые уже нашли цель. Спешки не было: до того как марсиане смогут выбраться из цилиндров, оставалось еще девятнадцать часов – так, по крайней мере, все полагали.

Но правила игры снова изменились.

Послышался треск, за ним последовала зеленая вспышка. Швезиг увидел под плоской крышкой цилиндра полосу света. Потом металлический диск весом в пять тысяч тонн или около того внезапно отлетел в сторону, как соломенная шляпка, и упал с краю ямы. На этот раз марсиане не стали медленно, в течение нескольких часов, скручивать крышку.

В следующее мгновение из цилиндра высунулось стальное щупальце, сжимая устройство, похожее на киноаппарат, – устройство, о котором Швезигу подробно рассказывали на инструктаже. Это был генератор теплового луча. Швезиг упал ничком в грязь. В каком-то футе от его распластанного тела прошел призрачно-бледный луч, и Швезигу показалось, что воздух рядом нагрелся до нестерпимой температуры.

Рядом с ним полыхали белым огнем люди, оказавшиеся не такими расторопными. Луч скользил вдоль воронки, словно струя воды из брандспойта. Все это произошло в считанные секунды после того, как цилиндр открылся.

Девятнадцать часов! Марсиане не стали покорно ждать атаки – ни девятнадцать часов, ни даже девятнадцать минут.

Подполковник Фэрфилд наблюдал за этим, стоя на возвышении чуть поодаль. Оттуда он не мог заметить сам тепловой луч и щупальце, которое высунулось из внезапно открывшегося цилиндра, но видел, как вокруг ямы полыхают ярким пламенем люди, лошади и техника. Потом он увидел, как из глубины цилиндра вырвалось еще несколько лучей: они были нацелены в небо, бледные, едва различимые в густеющем дыму. Фэрфилд посмотрел вверх – и высоко над его головой прогремели взрывы, похожие на фейерверки. Это разорвались артиллерийские снаряды, которые разбили бы марсианские цилиндры еще до того, как те откроются, – если бы все пошло по плану. Но ни один снаряд не достиг земли, не говоря уже о цели. Несколько самолетов-корректировщиков вспыхнули в полуденном небе, как мотыльки в невидимых лучах.

Фэрфилд снова обратил взгляд на яму и увидел огромный колпак, похожий на бронзовый шлем, плавно встающий на трех ногах. Это была боевая машина. Огромный военный тренажник, вернувшийся на землю тринадцать лет спустя, поднимался в клубах дыма от сотен горящих тел.

Все это произошло менее чем за минуту сразу после приземления цилиндра. Фэрфилд тут же осознал: раз уж мы заключили, что в момент приземления марсиане уязвимее всего, то и они пришли к тем же выводам – и приняли меры.

Верити Блисс, которая сидела в окопе медиков вместе с Фрэнком, была слишком далеко, чтобы в деталях все разглядеть, но быстро поняла, что случилось, – так она мне потом говорила. Огромный колпак первой боевой машины поднимался все выше над ямой. Верити схватила Фрэнка за ворот и силой вытащила из окопа.

– Бежим! Потом будет поздно!

До Фрэнка доносились крики раненых; он уже представлял себе, как выберется из окопа и вместе с отрядом побежит на помощь тем, кого еще можно спасти. Но он видел, что выбора нет: еще немного – и окоп будет разрушен. Он вылез наружу, и они с Верити побежали собирать своих людей с криками:

– Тем, кого сожгли, врач ни к чему! Бегите спасайтесь!

Но в то время как он бежал прочь от ямы, уходя таким образом все дальше в глубь Кордона, остальные спешили в противоположную сторону: артиллеристы вставали к орудиям, пехотинцы ныряли в окопы и палили в марсиан из винтовок.

Фрэнк оглянулся через плечо и увидел, что марсиане безбоязненно шли прямо навстречу огню. Боевые машины без колес двигались на трех ногах, и их походка была до жути знакомой. Это были тренажники, похожие на перевернутые складные стулья, и они двигались с ужасающей скоростью. При их виде Фрэнка пронзили болезненные воспоминания тринадцатилетней давности. Даже в движении их металлический корпус оставался неподвижным, и огромная «голова» с капюшоном была отличной площадкой для ведения прицельного огня.

– Ложитесь, глупцы!

Чья-то твердая рука придавила Фрэнка к земле. Верити распласталась рядом. Он вывернул голову и увидел покрытое сажей, ухмыляющееся лицо Берта Кука. Его зубы белели в свете фонаря.

– Простите за столь грубое обращение, мисс.

Фрэнк запротестовал:

– Берт...

– Лежать, я сказал!

Кук продолжал придавливать их к земле, и боевая машина прошагала прямо над ними.

Извернувшись, Фрэнк увидел в воздухе колоссальную металлическую ногу, длиной в добрую сотню футов, и капюшон, который поворачивался туда-сюда. В огне костров, вспыхнувших там, где прошел тепловой луч, он заметил позади машины стальную сетку, которая вызвала у него самые жуткие воспоминания. Марсианин то и дело стрелял в разные стороны

тепловыми лучами, но их не задел ни один. Фрэнк и все остальные остались лежать, целые и невредимые, а марсиане пошли дальше.

– Видите, что происходит? – прокричал Кук ему в ухо. – Они уничтожают пушки и технику. Люди, которые им противостоят, тоже попадают под луч. Но если ты покоришься – может, конечно, тебя случайно и затопчут...

– Они оставляют нас в живых, – сказала Верити.

– Именно. Потому, думаю, они и не пускают черный дым. И мы все понимаем, зачем мы им, так ведь? – он облизнул губы. – Они пришли собрать урожай. Потому что мы уже проиграли. Уже. О, вторая машина идет – ложитесь!

Он снова вдавил их в землю, и в воздухе мелькнули многотонные суставчатые ноги. Следом прошла третья машина, за ней четвертая.

– Вот это жизнь! – воскликнул Берт Кук, перекрикивая шум. – Вот это жизнь!

18. Летательные машины над Лондоном

В ночь на вторник мне не спалось.

Я вернулась в Вест-Энд перед полуночью, когда должна была прибыть следующая волна – об этом вовсю судачили на улицах, а слухи в последнее время имели под собой вполне реальные основания. Я прогуливалась по ночной Стрэнд. Движение по улицам было запрещено, и шум машин не заглушал голоса прохожих и лязганье поезда, отходящего с Чаринг-Кросса – возможно, с солдатами. С севера, со стороны Ковент-Гардена, доносился смех и даже пронзительные звуки джаза – а затем послышался тонкий полицейский свисток. Режим Марвина так и не смог вытянуть из города все веселье – и даже марсианам это не удалось.

Сегодня кажется странным то, как ярко сиял ночной Лондон в годы между двумя марсианскими войнами. Не только Таймс-сквер, но и Вест-Энд сверкал огнями, и даже более невзрачные районы к югу и востоку от реки ярко освещались электрическими лампами и старомодными газовыми фонарями – там, где они еще сохранились. Вся эта иллюминация не давала разглядеть небо, как будто британцы, которым некогда угрожали с воздуха, решили отгородиться от самой ночи и сделать вид, что ее не существует.

Но, несмотря на привычно засвеченные небеса, в полночь я увидела на северо-западе зеленые вспышки: марсианские снаряды снова спускались на Землю. Они падали не так уж далеко от Лондона – и прямо на голову моему бывшему мужу. Я услышала за горизонтом грохот, будто грянул гром, и, кажется, увидела белые вспышки, словно от мощных взрывов. Но все кончилось в считанные минуты. Могла ли битва отгреметь так быстро? Взволнованные прохожие тут же начали строить догадки, но я не стала вовлекаться в их беседу: они, как и я, ровным счетом ничего не знали. Однако остановилась и стала ждать и слушать.

Прошло около получаса, а может, и больше. Со стороны фронта не доносилось ни звука, и я вернулась в отель. Бары вновь были открыты, хотя посетителей на этот раз было заметно меньше, как и официантов. Я снова набрала с собой сэндвичей, взяла стакан горячего тодди и поднялась в номер. Конечно, по радио не передавали никаких новостей – оттуда лилась только патриотическая музыка – то печальная, то бравурная. Я выключила его и попыталась уснуть.

На рассвете я снова вышла на улицу.

Стоял ясный день, довольно холодный – хотя март уже почти подошел к концу; небо было густо-синее, и на западе низко над землей висело облако. На спине у меня был рюкзак со всеми пожитками: я не знала, куда меня заведет сегодняшней день. Никто не знал. Но из отеля на Стрэнд я выписываться не стала и оставила ключ в кармане, полагая, что, быть может, еще вернусь. (Я так и не вернулась; ключ до сих пор у меня – сейчас, когда я это пишу, он лежит передо мной.)

Я пошла в сердце города, к реке. Хотя я не считаю себя настоящей жительницей Лондона, инстинкт привел меня именно туда. Темза на рассвете была необычным зрелищем даже в те дни, когда на Землю не прилетали марсиане. По обнажившейся во время отлива береговой грязи расхаживали люди и разыскивали сокровища, смытые в сточные трубы: монеты, зажигалки, ручки, сигареты и визитницы, а временами даже украшения. Появление этих «золотоискателей» было симптомом того, что при премьер-министре Марвине страна снова погрязла в глубочайшей бедности – Диккенсу в нынешней Англии многое показалось бы знакомым.

Но тем утром сама река бурлила жизнью. Ревели гудки, звонили колокола, кричали люди. По Темзе шли военные корабли, которые я видела накануне, в том числе миноносцы и плавучие орудийные платформы. Рядом с ними толпились гражданские суда: паромы, яхты, крупные речные пароходы. Все они осторожно спускались вниз по течению, к морю, подальше от поля боя. Люди на борту с любопытством смотрели на «золотоискателей», на меня и на высокие

лондонские здания. Я подумала о роскошных домах выше по течению, в Марлоу, Мейденхеде и Хенли, покинутых хозяевами. Некоторые из беженцев-богатеев щелкали фотокамерами.

А потом я увидела летательную машину.

Сперва я краем глаза заметила, как на западе что-то промелькнуло. Я обернулась и увидела над облаками диск, плоский и широкий, с плавными очертаниями. Он явно был очень большим и двигался с огромной скоростью. Это была марсианская машина вроде той, что я уже видела однажды, в небе над Эссексом, с трясущейся палубы колесного парохода, который во время Первой войны увез нас с Фрэнком и Элис во Францию. Я напрягла зрение, силясь разглядеть какие-нибудь детали – что-то, что отличало этот летательный аппарат от машины тринадцатилетней давности. Он летел плавно и бесшумно, с изяществом, которое присуще облаку или радуге, а не грубым порождениям земли. Впрочем, уже давно было отмечено, что марсианские машины обладают особой грациозностью, в отличие от наших лязгающих неуклюжих механизмов.

Довольно примечательно, что среди всех произведений марсианской техники, которые попали в наши руки после Первой войны, именно летательные машины раньше всех удалось заставить работать. При полете они не разрезают воздух лезвиями пропеллеров, подобно нашим аэропланам, – нет, эти машины втягивают воздух, разогревают его до необычайно высокой температуры, а затем он со взрывом выходит из сопел, которые можно поворачивать в разные стороны. Что до теплоносителя, то генераторы энергии, установленные в летательных машинах, явно схожи по строению с теми, что используются в тепловых лучах. По словам Рейли, Лириенталя и других специалистов, эти машины приспособлены к марсианскому воздуху, который намного разреженнее нашего и имеет другой состав. Крылья, которыми снабжали все наши тяжелые летательные аппараты со времен опытов братьев Райт, в разреженном воздухе не помогут. В таких условиях машине нужно придавать обтекаемую форму, чтобы она скользила в воздухе, словно скат, – именно с этими рыбами сравнивали марсианские аппараты.

В 1907 году летательную машину заметили только через несколько дней после начала войны. Все предположили, что тот аппарат, который видели в Эссексе, собрали из деталей, доставленных в нескольких цилиндрах. Но эта новая машина появилась спустя каких-то несколько часов после приземления цилиндров в Миддлсексе. К тому же все летательные аппараты Первой войны производили впечатление экспериментальных, незавершенных. Этот же двигался куда более уверенно. Я с тревогой осознала, что Уолтер был прав: марсиане многому научились со времен первых столкновений с людьми и вернулись гораздо более подготовленными – и к нашему плотному воздуху, и к другим земным условиям.

Машина летела с запада, вдоль русла реки, то есть направлялась в мою сторону. Я вспомнила, что в Эссексе такой аппарат выпускал из себя черный дым, но сейчас не было видно никаких его признаков. Диск пролетел прямо над моей головой; я пригнулась, но взгляд не опустила. Корпус аппарата был сделан из меди, как колпаки у боевых машин, в нижней части были проделаны бороздки – возможно, они помогали держаться в воздухе, а острый обод диска сзади был покрыт чем-то вроде оперения.

Теперь я видела, что машина летит не одна: под ее днищем, словно мухи под брюхом у бегемота, сновали два биплана. Мне показалось, что они не британские – может быть, немецкие, а то и русские. Но если даже представить, что Красный Барон, героически проявивший себя на русском фронте, подберется к марсианской машине достаточно близко, какой вред он сможет ей причинить? И все же было отрадно видеть, что захватчики не безраздельно властвуют в небе.

Я смотрела, как марсианин в сопровождении конвоя летит вдоль Темзы, пока свет восходящего солнца не начал слепить глаза. А потом услышала крики газетчиков: первые экстренные выпуски за этот день вышли из печати.

Я поспешила с набережной обратно в город. Хотя солнце едва поднялось, Лондон уже проснулся, и мне пришлось потолкаться, прежде чем я завладела свежей копией «Дейли миррор», которую беззастенчиво продавали по шиллингу.

**ВЗРЫВЫ В МИДДЛСЕКСЕ
ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НОВЫЕ МАРСИАНЕ
РАЗВЕРНУЛОСЬ КОРОТКОЕ СРАЖЕНИЕ
ЛЮДИ БОЯТСЯ НОВОЙ КАТАСТРОФЫ**

Пока газетчики сколачивали себе состояние, власть уже развернула бурную деятельность. По перекрытым улицам разъезжали фургоны с громкоговорителями, и расклейщики афиш лепили на фонарные столбы новые плакаты:

**ЛОНДОНЕЦ!
СПАСИ СВОЙ ГОРОД!
ОТПРАВЛЯЙСЯ НА КОРОЛЕВСКУЮ ЛИНИЮ!**

Это новое распоряжение было напечатано над портретом короля. Он выглядел слегка смущенным в тщательно подогнанной военной форме, но его фото явно задевало в народе больше патриотических струнок, чем изображение Марвина, – теперь я это знала точно.

Я прочитала, что «всех годных к службе мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, еще не занятых на фронте», призывали взять кирку и лопату («инструменты не предоставляют, берите свои») и отправиться строить Королевскую линию – комплекс оборонительных сооружений, которые должны были отгородить Лондон от марсиан. Прилагалась карта, где был показан ближайший к городу край марсианского Кордона, возле Пиннера. Линия обороны должна была пройти по дуге в пяти – десяти милях от него. Она повторяла очертания магистралей, но не перекрывала их – видимо, для того, чтобы облегчить сообщение. Линия начиналась в Эшфорде, уходила на северо-восток через Туикинем и Ричмонд, потом примерно на север через Брентфорд, Илинг и Уэмбли к Хендону, а затем на северо-запад к Эджуэру. Она заканчивалась в опасной близости от Стэнмура, куда, возможно, уже вернулась моя невестка. Тракторы и экскаваторы, как военные, так и гражданские, уже стягивались к Линии; королевские инженеры изучали местность, разведчики расставляли вешки, чтобы вдоль Линии появились траншеи, валы, доты и редуты. Оборону должна была держать пехота, которую спешно перебрасывали из Олдершота, и артиллерийские батареи, усиленные корабельными орудиями. Позднее к британским солдатам должны были присоединиться немецкие подразделения – Германия отправляла их на помощь из оккупированной Франции в качестве дружеского жеста: они уже перебирались через канал.

Рядом со мной стояла суровая женщина средних лет, которая глядела на плакат сквозь пенсне.

– Знаете, мой муж сражался с бурами.

– Правда?

– Погиб на той войне. Они сопротивлялись ровно так же – рыли траншеи, вешали колючую проволоку, так что было не пройти. Похоже, мы теперь сражаемся против марсиан, как буры сражались против нас. Как повстанцы против превосходящих сил.

– Буры даже при таком раскладе могли за себя постоять.

– Это точно. Но эта оборонительная линия... – она хмыкнула. – «Мужчины, годные к службе», ну конечно.

Я улыбнулась:

– А женщин не берут – вы об этом, да?

– Они лучше позовут на помощь немца, чем британскую женщину, – она посмотрела на мой брючный костюм, рюкзак и короткую стрижку, и на ее лице не мелькнуло ни следа неодобрения. – Вы думаете, эта линия – она поможет?

– А вы как думаете?

– Если только марсиане будут так любезны и разрешат нам ее построить, – она щелкнула ногтем по плакату и ушла.

Этим утром мне на глаза попадались сплошные карты. На внутренней странице «Миррор» я нашла подробный отчет о вчерашнем «побеге из Лондона». Широкие магистрали, ведущие на юг и восток, заполонили жители, которые направлялись в Саутгемптон, Портсмут, Брайтон, Гастингс, Дувр, даже в Эссекс, куда когда-то бежали мы с Фрэнком и Элис. Полиция и военные выделили на дорогах отдельные полосы, чтобы поток беглецов не смешивался со встречным потоком солдат и техники, который тек по направлению к Лондону. А Красный Крест с одобрения правительства поспешно разворачивал лагеря беженцев в Кентербери, Льюисе, Хоршеме и подобных местах. На этот раз исход из Лондона не вызвал всеобщего хаоса – по крайней мере, пока.

Что до меня, я хотела остаться в центре Лондона, в гуще событий. Джули Эльфинстон, военный корреспондент, – как это звучало! Но во мне говорил и голос долга. Я подумала об Элис, которая, возможно, уже вернулась в Стэнмур. В каком беспомощном состоянии она сейчас находится! А главное – Королевская линия обрывается прямо возле Стэнмура, значит, там будут особенно ожесточенные бои, если марсиане пойдут по стопам немцев и решат обойти нас с фланга. Наверное, стоило все-таки отправиться к невестке.

Пока я стояла в нерешительности, на улицу выбежала другая стайка газетчиков с новыми экстренными выпусками – хотя на первых еще не просохла краска. Пришли новости с самолетов, которые отважно бороздили небо над Миддлсексом. Марсианские боевые машины были уже в пути и перебирались через Кордон.

19. Первые часы за Кордоном

Прошло несколько часов после того, как марсиане в мгновение ока разметали противостоящую им армию. Фрэнк и Верити с горсткой своих людей, а также несколько солдат из разных частей укрывались в наскоро вырытых окопах и траншеях.

Они смотрели, как боевые машины расхаживают по развороченной земле внутри Кордона и изучают то, что осталось от оборонительных сооружений. Ночь была темная, но отблески огня от горящей техники и оружия, превратившегося в бесполезную груды металла, позволяли Фрэнку наблюдать за марсианами. На фоне алого пламени он видел ноги их машин, длинные, изящные, суставчатые. Пару раз вспыхивали лучи прожекторов, выхватывая марсиан из мрака во всем их великолепии, но источники света мгновенно обнаруживали и сжигали. Фрэнк почти не слышал выстрелов, не видел почти никаких признаков сопротивления.

Через несколько часов Верити прошептала:

– Они стреляют во все, что шевелится, – во все механическое. Даже если это не пушка. Думаю, если бы у нас была санитарная машина, они бы и ее спалили. Но людей они не трогают, если только они достаточно умны, чтобы не палить по ним в упор. Все, как сказал ваш приятель Берг Кук, – и, будьте покойны, я понимаю, в чем дело: марсианам надо чем-то питаться. И нам, к слову, тоже рано или поздно нужно будет поесть. Кстати, где Кук?

– Давно ушел, – сказал Фрэнк. – Пошел поближе к марсианам. Кук всегда следовал собственным порывам, а не армейским приказам.

– Кажется, светает.

– Ох. Надеюсь, что только кажется.

Верити обвела взглядом подопечных – юных медиков и медсестер. Многие из них прижались друг к другу, чтобы согреться, и спали невинным сном младенцев.

– Вы только посмотрите на них. Завидую тем, кто может заснуть в такой час.

– Они переутомились. Нам ведь и прошлой ночью не удалось поспать.

– Да, верно, – согласилась она и вдруг, изогнувшись, выглянула из траншеи, словно что-то услышав.

Фрэнк осторожно приподнялся на локтях. В предрассветных сумерках он увидел еще одну боевую машину, которая быстро, но осторожно шагала по искореженной земле. А возле ее ног бежал будто бы паук или краб с массивным корпусом и множеством ног, размером примерно с небольшой автомобиль.

– Это еще что? – выдохнула Верити.

– Многорукая машина. Странно видеть ее не в музее... Если в дело пошли эти машины, значит, марсиане прилетели не только разрушать, но и строить.

– Может, они строят крепость?

– Что-нибудь вроде того. Может быть, частокол вокруг захваченной территории.

Верити взглянула на него:

– Значит, эту насыпь не зря назвали Кордоном.

– Похоже на то.

– А мы остались внутри.

– Ну, не только вы!

За спиной раздался звучный женский голос, особенно громкий в сравнении с их шепотом, и Фрэнк вздрогнул. Он перевернулся на спину, потянулся за револьвером и неуклюже скатился на дно траншеи.

Рядом заржала лошадь, словно потешаясь над ним.

Фрэнк увидел перед собой Милдред Триттон. Она сидела в старой обшарпанной повозке, в которую были запряжены два крепких коня.

– Доброе утро! – жизнерадостно сказала она. – А поскольку уже утро, вам должно хватить света, чтобы убедиться, что я не слишком-то похожа на пришельца с Марса.

Фрэнк, чувствуя себя форменным дураком, встал на ноги – хотя внутренний голос вопил, что не надо вылезать из укрытия.

– Прошу прощения, – смущенно сказал он, убирая револьвер в кобуру. – У нас была тяжелая ночь. Чем могу быть полезен, миссис Триттон?

– Зовите меня Милдред. Сдается мне, сейчас более важный вопрос – чем я могу быть вам полезна. Я выбираюсь сюда уже в третий раз за ночь, ну или за утро, как угодно. Не так давно в результате отчаянного эксперимента я выяснила, что марсиане не стреляют по повозкам, запряженным лошадьми, конечно, если на них не перевозят гаубицы. Они охотятся на машины. Уничтожили мою старушку Бесси. Мой трактор, – она помрачнела. – Такое я простить не готова.

– Бедные марсиане! – сказала Верити. – Они нажили себе страшного врага.

– В третий раз, говорите? – спросил Фрэнк.

– Точно так. Подбираю заблудшие души вроде вас и везу домой.

– Домой?

– К себе в дом. У меня ферма возле Эбботсдейла, это деревушка в нескольких милях отсюда, вон там, – и она указала большим пальцем через плечо. – Первую поездку я совершила по доброте душевной. Во время второй – подобрала вашего подполковника Фэрфилда. Приятный малый; кроме него, выжило еще несколько старших офицеров – в этой части Кордона, по крайней мере. И он мне рассказал, что телефон и телеграф молчат, – марсиане, похоже, потрудились обрезать провода. В полевых частях есть беспроволочный телеграф; он еще работает, и выжившие о чем-то договариваются друг с другом. Тех, кто оказался внутри Кордона, увели с передовой в места поспокойнее – подальше от марсианских воронок, ведь цилиндры попадали внутри всего кольца, а не только по краям. Я отвезла Фэрфилда в Эбботсдейл, и он попросил, чтобы я вернулась за остальными его людьми. Кажется, особенно он печется о вас, доктор Дженкинс.

– Фрэнк, – веско сказал он. – И мы невероятно признательны вам за то, что вы нас нашли.

– Ну тогда залезайте, – живо откликнулась она. – В повозку влезет ровно дюжина человек. Все, кто чувствует в себе силы идти, пожалуйста следом. За остальными я вернусь, не бойтесь. Я привезла завтрак. Есть ветчина, хлеб, несколько ведер парного молока – пускай два каких-нибудь сильных парня помогут все это разгрузить. О, и еще чистая питьевая вода. Учитывая, что этот марсианский дым может сотворить с почвой, я бы вам пока не советовала пить из ручьев, прорванных труб и так далее.

– Еще не рассвело – а уже как будто выглянуло солнце, – заметил Фрэнк. – Спасибо, Милдред.

Но женщина, кажется, не слушала. Она тихо сказала:

– Что меня поражает, доктор, – так это то, какие тут все чертовски юные.

– Это правда. Просто тем, кто повзрослее, хватает ума не идти на войну.

20. Захваченная местность

После быстрого завтрака в повозку набилось достаточно народу, Милдред дернула поводья, и кони потащили свой груз через неровное поле, ступая тяжелым размеренным шагом. Фрэнк ехал рядом с фермершей; он поначалу не хотел лезть в повозку, видя, что не всем его людям хватает места, но его более опытные подчиненные настояли, что командир должен быть в авангарде.

Было очень странно выходить из укрытия, пусть даже марсиан нигде не было видно. По дороге попутчики тихо беседовали. Милдред расспрашивала Фрэнка о его прошлом. Она читала книгу Уолтера, и ей было любопытно узнать о его родстве с Фрэнком. Позже Фрэнк рассказывал, что в такие минуты чувствовал себя как типичный младший брат, который завидует старшему, и этот раз, несмотря на все обстоятельства, не стал исключением. В сотне ярдов от них уныло мычало стадо коров.

– Уверена, что Джимми Роджерс не забудет подоить своих коров, невзирая на всяких там марсиан, – строго сказала Милдред.

Повозка попала колесом в особенно глубокую рытвину, и ее как следует трянуло.

– Что, Милдред, дороги вы не жалуете? – спросил Фрэнк, переводя дух.

В ответ та указала куда-то вперед – туда, где клубился туман. Теперь Фрэнк увидел марсиан: две боевые машины шагали в рассветной дымке, неправдоподобно высокие – как будто ожившие церковные шпили, подумал он.

– Теперь понимаете? – спросила Милдред. – Они повсюду: вылезают из ям – и на границе, и внутри Кордона, перегораживают дороги и рельсы, перерезают телефонные провода. Лучше не путаться у них под ногами, не находите? Так что мы будем держаться подальше от дорог и от деревень тоже. Поедем по горам да по долам...

В этом Милдред не соврала. Повозка то ползла вверх, то ухала вниз. Фрэнку показалось, что они едут по руслу огромной реки, заросшему травой. Будь здесь военный, наверняка он начал бы ворчать, что видимость в этом месте хуже некуда.

Милдред пристально поглядела на Фрэнка.

– Вы не бывали в Чилтерне, верно? Шестьдесят миль крутых холмов, от Горингской расселины на юго-западе, где течет Темза, до Хитчинской расселины на северо-востоке. Я уверена, что в эту самую минуту военные стратеги в Лондоне и Олдершоте, или где там они заседают, обсуждают то же самое. Известняковые холмы, крутые склоны, узкие долины. Лично мне очевидно, что марсиане захватили это место, чтобы создать тут базу. Укрепленный периметр, откуда можно перебросить силы куда угодно – предполагаю, что в первую очередь на Лондон. Ну а мы все застряли внутри.

– Мы? А мы – это кто?

– А вот это один из тех вопросов, которые стоит обсудить. Вот краткий инструктаж, слушайте. Я высажу ваших солдат в Эбботсдейле, а вас отведу в усадьбу – это недалеко.

– В усадьбу?

– Там вы денек погостите у вдовствующей леди Бонневиль. Ваш подполковник Фэрфилд уже у Эмили, как и другие старшие офицеры из этой части Кордона. А еще она позвала других важных особ из Эбботсдейла и окрестных деревень: местного бобби, почтмейстера, управляющего банком – такого рода публику. Джимми Роджерс, самый крупный землевладелец в округе...

– Леди созывает к себе людей из окрестных земель. – Фрэнку стало смешно. – Отдает чем-то средневековым!

– Посмотрите вокруг. Вы едете по полю на повозке, запряженной лошадьми! Пусть даже вокруг рыскают инопланетные механизмы, мы с вами как будто вернулись в Средние века. Ну

а у леди Бонневиль, боюсь, будет больше трудностей с немцами-солдатами, чем с марсианами. Уж настолько она старомодна. А теперь давайте спустимся с небес на землю: надо придумать, как обеспечить ваших солдатиков. Их тут, наверное, сотни.

– Может, и тысячи, если они выжили.

– Вас тут прорва, и у каждого пустой живот. Я так полагаю, вы привезли с собой не слишком-то много провизии?

Фрэнк задумался.

– У нас были полевые кухни... Нет, запасы у нас вряд ли большие. Хватит, наверное, на день или на два.

Милдред вздохнула.

– Вы готовились к короткой кампании в щедрой сельской местности, а не к осаде. На первое время хватит наших запасов. Но вскоре... Эти ваши люди – они в основном молодые, так? Сильные, крепкие, дисциплинированные...

– Если им удастся сохранить эти качества.

– Еще как сохраняют, когда будут вспахивать мои поля.

У Фрэнка голова шла кругом. Еще несколько часов назад он укрывался в наспех вырытой траншее от атаки существ из иного мира – а теперь рядом с ним сидела эта удивительная женщина и рассуждала о землепашестве.

– Вы уже все продумали, да?

– На тракторах, конечно, пахать нельзя: марсиане явно не дадут нам использовать технику. Работа предстоит тяжелая. И поля надо будет расчистить, по крайней мере некоторые.

Фрэнк огляделся вокруг. Позже он признался мне в том, что в тот момент чувствовал себя полным невеждой, как любой горожанин, оказавшийся в сельской местности.

– Вы сейчас здесь ничего не выращиваете?

Милдред улыбнулась.

– Уже тридцать – сорок лет, как нет. С тех пор как из Европы и Америки начали привозить дешевое зерно, а фермеры уехали на заработки. Тут стали сажать лес и разводить коров. Что ж, придется какое-то время обходиться без американского зерна. Хорошо, что тут еще полно народу, которые помнят старые деньки...

Они обсудили другие практические моменты. У солдат были кое-какие медицинские препараты, но мирные жители тоже получили ранения, а запас лекарств был ограничен. Надо было собрать одну общую аптечку и все распределить. Электричества не было – впрочем, его и так успели провести далеко не во все поселения. В усадьбе были свои генераторы, но их требовалось заправлять, а запасы топлива пополнить было негде, так что существовал риск скоро остаться без света. Вода – вечная проблема, но в Эбботсдейле были старые колодцы, которые при определенных усилиях можно было откопать...

Путешествие затянулось, и Фрэнк почувствовал, что теряет силы. Он, в конце концов, провел две ночи без сна. Стараясь унять дрожь, он обхватил себя руками. Травмы, которых он до этого не замечал, вдруг заявили о себе: растянутая лодыжка, вывихнутое плечо. Вокруг него расстились зеленые холмы, мир был таким же, как и всегда, и все же Фрэнка преследовало чувство, что все нереально, что все это лишь ширма, которая может упасть в любой момент, обнажив мир безумия и увечий, куда его затянуло прошлой ночью.

Милдред внимательно посмотрела на него.

– С вами все хорошо?

– Ничего такого, чего не мог бы вылечить крепкий виски... – услышал он собственный голос словно издали.

К своему ужасу, Фрэнк обнаружил, что плачет.

Милдред Триттон остановила повозку, что-то тихо сказала Верити, и та перебралась поближе к Фрэнку и приобняла его. Через какое-то время слезы перестали течь у него из глаз, и он провалился в полудрему.

21. В Эбботсдейле

Наконец они добрались до деревни. Фрэнк отрешенно смотрел на церковь, построенную не больше полувека назад, на новую школу, на отгороженный участок общей земли. Эбботсдейлу все еще было далеко до того, чтобы называться городом, но социальный и технический прогресс девятнадцатого века принес большие перемены в местечки вроде этого.

Повозка замедлила ход возле красивого усадебного дома, старинного здания в стороне от дороги. Во дворе были свалены в кучу винтовки, револьверы и даже ракетницы: их накрыли брезентом – видимо, чтобы спрятать от марсианских глаз. Когда врачи, санитары и медсестры выбрались из повозки, ворота усадьбы открылись, и выехали двое разведчиков на велосипедах. Они, вихляя колесами, покатали к Амершему, и вслед им неслись насмешки врачей:

– Давайте, ребята, поднажмите!

– Что, скучаете по мотоциклам?

Милдред причмокнула губами и повернулась к Фрэнку:

– Ну что ж, вот мы и здесь – к худу, к добру ли, не знаю. А теперь не пугайтесь, когда зайдете в дом: спаниели – совершенно безобидные псы, даже в таких количествах...

Фрэнк присоединился к Фэрфилду и прочим офицерам, которых Эмили, леди Бонневиль, собрала за кофе в просторной, но затхлой столовой. Фэрфилд на секунду оторвался от важного разговора, чтобы поприветствовать Фрэнка.

Офицеры и их адъютанты продумывали план действий. На столе они разложили карту местности, где были отмечены места высадки марсиан, о которых поступили сообщения. Воронки, оставленные второй волной цилиндров, располагались внутри Кордона; несколько ям появилось в Амершеме, в самом центре круга.

Первостепенной задачей было наладить связь. Обычный беспроводной приемник от «мегафона Марвина» мог ловить правительственные трансляции со станции Маркони возле Челмсфорда, пока не кончится энергия. По радио уже передавали сообщения специально для тех, кто застрял внутри марсианского Кордона, – они гласили: «Вы не одни». Фрэнка уверили, что позже удастся соорудить детекторные приемники, которые будут ловить сигналы, не нуждаясь ни в каком внешнем источнике энергии. Но была и другая задача – передавать сообщения за Кордон. У небольших полевых радиоприемников был ограниченный радиус действия, и пока что попытки передать сигналы с их помощью не увенчались особым успехом. Лейтенант саперов предложил прорыть под Кордоном туннели и протянуть там кабели.

В конце утра пришли кое-какие новости. Новые захватчики с Марса уже в первый день после прибытия покинули свой обширный лагерь. Цилиндры приземлились в полночь, боевые машины вышли за периметр спустя всего каких-то шесть часов, на рассвете. Как вы узнаете из дальнейшего повествования, эта схема не раз повторялась по ходу войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.